

Михаил
КОЖАЕВ

ЗАВЕЩАНИЕ

2015

Кожаев М. Завещание: повесть. Тула: Издательство ТулГУ,
2014. – 100 с.

© Михаил Кожаев, автор (2014)

© Максим Фёдоров, дизайн (2014)

Глава 1

В дверь квартиры позвонили, и в коридор из зала пронесла себя фигура улыбающегося и светящегося от удовольствия молодого человека. За ним прошествовала девушка и обняла его сзади, пока он отпирал замки. Дверь отворилась, и на пороге показалась пара с подарочной коробкой, сверху которой красовался внушительный бант.

– Лёня, с днём рождения тебя, дорогой! – продекламировал густой мужской голос гостя.

Адресат поздравлений, хозяин дома Леонид, жестом пригласил друзей войти и уже внутри обнялся и расцеловался с пришедшими. Подарки оказались вручены, а гости – переобуты из уличной обуви в тапочки из дюжины произведений современного дизайнерского искусства на выбор. Леонид провёл парочку в просторный зал, где за прямоугольным столом, а также в трёх диванах в разных углах комнаты уже заседали участники торжества. Все они приветствовали вновь прибывших восклицаниями и объятиями, и вскоре воцарились прежний шум и праздничная, столь приятная сердцу именинника суета.

Гости продолжали прибывать, подарки плодились в наспех выбранном углу, а хлопки вылетающих пробок стали напоминать салют в честь возвращающихся с войны победителей. Начали спускаться августовские сумерки, когда кто-то из гостей предложил нескольким друзьям, и в их числе Леониду, отойти в свободную комнату. Группа молодых людей на время откололась от вечеринки и вернулась уже с сияющими улыбками на лицах и расширенными от удовольствия зрачками. Повсюду стоял смех, и приветствия, и шутки, и весёлые подколы вкупе с неотложными признаниями взаимной приязни и гениальными прозрениями молодых, но острых умов о смысле жизни и богатстве смыслов в столь привлекательных наручных часах, от которых попросту невозможно оторвать глаз.

Посреди общего веселья Леонид остановился у двухметрового зеркала и в упор уставился на себя с видом невероятного удивления.

– Посмотри, посмотри! – остановил он рукой проходящего мимо приятеля. – Ты видишь, что у меня вместо головы тыква, раскрашен-

ная, чтобы всех запутать? И как искусно раскрашенная! Не меньше, чем Вермеер, – голову на отсечение даю! Вернее, тыкву!

Молодые люди посмеялись, и Леонид продолжил:

– Витя, ты понимаешь, что это значит!?! – Собеседник отрицательно покачал головой. – Это сон! Сновидение! Если ты видишь себя или кого-то ещё в зеркале не таким, как на самом деле, – значит, тебе всё это снится! Хочешь проверить?

И, не дождавшись ответа, Леонид с невероятной бодростью бросился в зал, где открыл всем присутствующим глаза на то, что все они – сон его ночного воображения и что он это сейчас наглядно продемонстрирует. Молодой человек сорвал со стены огромный телевизор и, выдирая попутно все провода, двинулся с ним в сторону балкона.

– Смотрите! – торжественно провозгласил он. – Сейчас я вам докажу, что вы не больше, чем гости моей фантазии!

Леонид с замахом швырнул телевизор вниз. Ударившись об асфальт, аппарат, как и полагается, разлетелся на сотню частей, только вместо обломков ими оказались новенькие планшеты, которые поспешно подобрала и разнесла по углам и закоулкам местная детвора.

– Видите! – триумфально изрёк Леонид.

– Что за дрянь вы ему подсунули! – продираясь сквозь взбудораженную и ликующую толпу, бросила Диана, девушка именинника. – Ты совсем с катушек слетел?! Иди сюда, пока сам не прыгнул!

Леонид послушно прилепился к своей спутнице, но вместо объяснений стал горячо убеждать её в своей правоте. При этом он так нежно льстил к ней, обнимал с неподдельной любовью, а говорил с таким искренним жаром, что на секунду Диана уверилась в его словах:

– Дианочка, красавица моя, солнышко, милая моя! – целовал её в руки и шею Леонид. – Поверь мне, дорогая, мы все во сне! Иначе как это может быть, если вместо головы – портрет Вермеера! Любовь моя, уверяю тебя, всё так и есть, как я говорю! Я готов тебе доказать это! И вместе с этим – мою космическую любовь к тебе! Ну разве наяву такое возможно?

И он взял на кухне хрустальный сосуд с мёдом, заговорил его тайным языком, и плеснул на гостей, на которых полетел целый рой пчёл, быстро, впрочем, растворившихся в открытой двери балкона. Затем из перевернутой ёмкости чудесным образом выпал маленький чёрный мишка, который от испуга ринулся прочь, на ходу запрыгнув на стол и, шокированный неожиданным препятствием, ударил одного из гостей пятернёй по лицу.

– Ты совсем с ума сошёл! – вскрикнула Диана и схватила Леонида за руки. Именинник при этом обиделся, так как задним умом заподозрил, что Диана могла подумать, будто бы он ударил гостя банкой с мёдом, в то время как это на самом деле был живой мишка. Впрочем, чтобы не материализовать пришедшую в голову мысль, Леонид промолчал. Однако его сдержанности хватило на считанные секунды.

– Я сейчас докажу тебе! – в исступлении проговорил он. Одним прыжком настиг кухонного стола, схватил огромный нож и, как ребёнок, пытающийся в чём-то уверить родителей, залепетал: – Дианочка, смотри! Стал бы я рисковать самым ценным, если бы не сон!?

И с этими словами Леонид замахнулся и с силой ударил возлюбленную в шею. Всех присутствующих обагрив тёплый фонтан крови, а тело девушки беспомощно рухнуло на пол, перевернув стул. Диана в немом ужасе хваталась руками за шею, не в силах остановить кровавые брызги. В глазах её метался первобытный страх, который застилала безмерная горечь и обида за предательство от самого близкого человека.

Леонид хотел было кинуться на пол, чтобы ощупать шею девушки. Но вместо этого он залился слезами и, выйдя из секундного оцепенения, резко поднялся на кровати и завопил не своим голосом:

– А-а-а!!! Дианочка, любимая моя, дорогая!!!

Диана в испуге проснулась, и первым её желанием было немедленно убежать прочь. Впрочем, она быстро пришла в себя, и даже несмотря на то, что сердце её колотилось бешено и громоподобно, сумела проговорить:

– Это был сон, Леон! Это был страшный сон, кошмар! Не души меня, мне больно...

Леонид посмотрел перед собой и только сейчас заметил, что охватывал руками девственную шею Дианы, пытаясь остановить фонтан крови, который остался в совершенно ужасном, чудовищном и безбожном сновидении. Сначала он стал целовать любимую. Затем встал и, обливаясь потом, заходил из угла в угол в темноте летней ночи. Наконец, сел на край кровати спиной к Диане и задышал тяжело, как больной астмой.

– Леон, тебе нужен отдых! – вкрадчиво начала Диана. Она понимала, что просто должна говорить – всё что угодно, любые глупости или очевидные вещи, лишь бы не молчать. Это был единственный способ успокоить Леонида. – Эта работа тебя убивает! Завтра у тебя день рождения...

От этих слов у парня пробежал по спине убийственный холодок, однако Леонид сделал усилие, чтобы не подать вида.

– ...давай всех соберём, хорошенько отпразднуем, а потом улетим вдвоём на Кипр. На две недели! После этого старика ты сам не свой! Зелья он тебе, что ли, подмешал! Я не помню, когда ты последний раз спал нормально... Тебе нужен отдых! – заключила Диана.

Леонид помолчал с полминуты, после чего тихо произнёс:

– Мы же хотели съездить в лавру, помолиться...

– Лавра, лавра! – Диана встала со своего места и сама заходила по комнате. Она постаралась сдержать себя, чтобы не выдать раздражения, но получилось у неё это наполовину. – Съездим мы туда! Что она, переедет, что ли, лавра твоя! Сначала надо успокоить нервы, сходить к психологу. А ещё лучше – отпраздновать день рождения, отдохнуть, расслабиться!

– Дианочка, но бесовство ведь какое-то... Всё время во сне вижу в зеркале вместо себя то маньяка, то череп, то тыкву...

– Вернёмся с Кипра и первым делом съездим! – оборвала его Диана. Затем посмотрела в окно и недовольно проворчала: – Ну вот, уже рассвет! Я с тобой уже неделю не сплю! Ты обо мне хотя бы подумай!

И с этими словами она отправилась на кухню варить кофе.

Глава 2

Эрнест Флоровский больше двадцати лет пользовал пациентов с самыми разными диагнозами. Кому-то из его «клиентов» действительно требовалась серьёзная помощь, иные обращались к нему как к элитному психологу. Заработанное имя и состояние позволяли Флоровскому работать только с теми историями, которые не сводились к долгим выслушиваниям и выписке рецепта, а напротив – давали обильную пищу для его незаурядного, очень гибкого и глубокого ума. Но даже на этом фоне случай Лепнина по-настоящему заинтересовал доктора.

Никита Александрович Лепнин был человеком колоссальных познаний и уникального предпринимательского чутья. Выдающийся инженер, он сумел за годы своей деятельности запустить несколько десятков успешных проектов. Сегодня его так же, как и Флоровского, не интересовали деньги. Он был богат. Жил в роскошном особняке, который называл дачей, вместе с супругой Любовью Степановной. И получал радость от приезда внуков и бесконечного обустройства участка со всеми располагающимися на нём объектами и строениями.

В последнее время Лепнина стала мучить бессонница, и Любовь Степановна записала его к Флоровскому. Последнего невероятно заинтересовала ключевая особенность описанного расстройства, так что он решил незамедлительно уточнить всё в самых подробных деталях.

– Ваша жена в общих чертах описала вашу историю, – начал доктор, в кабинете которого они заседали в глубоких кожаных креслах. – Разумеется, я уловил в её рассказе вашу боязнь быть неправильно понятым. Сразу хочу предупредить, что в моей практике было множество необъяснимых явлений, которые я, в свою очередь, склонен рассматривать аналитически, как того и требует психологическая наука. Подробно расскажите о вашей проблеме, и вместе мы постараемся её решить.

– Эрнест Максимилианович, даже не знаю, с чего начать... – замялся Лепнин.

– У меня сложное отчество, – привычной формулой ответил Цветков, попутно разряжая обстановку, – называйте меня просто Эрнест. Если вы не против, я также буду обращаться к вам по имени, Никита?

– Конечно! – с готовностью подтвердил тот. Помедлил, внимательно посмотрел на собеседника и, наконец, осмелился спросить: – Простите, Эрнест, но вы случайно не снимались ни в какой развлекательной передаче? У меня устойчивое ощущение, что я вас точно видел в каком-то ток-шоу, где вы рассуждали о математике...

– О математике? – удивился Флоровский. – Это вряд ли. Как говорится, не мой случай. К тому же сегодня мы хотели поговорить о вашем случае, не так ли?

– Моя история может показаться нелепой и странной... – смущённо признался пациент.

– Просто начните её! – предложил доктор и жестом пригласил собеседника к рассказу. Лепнин начал.

– Много лет назад – мне тогда было 25 или около того – мне впервые приснился странный сон. Точнее – начало нескончаемой истории, которая снится мне до сих пор. Мне тогда предложили возглавить конструкторское бюро при институте, и я согласился. Работы было невпроворот, но и платили большие деньги. Мы с Любой растили первого сына и могли позволить себе и машину, и дачу, и хлеб с красной икрой. Одним словом, дом был полная чаша, и я не мог даже представить себе, о чём ещё можно мечтать на моём месте: отличная работа, прекрасная жена, отдых в странах соцлагеря...

Но однажды мне приснился чудовищный сон. Точнее, начал сниться, потому что я вижу его продолжение каждый день. Как сейчас помню, это был тёплый апрельский вечер. Я готовил важный проект, засиделся до поздней ночи, но так и не доделал его. Поставил будильник на пять и решил подремать пару часов, чтобы с утра ещё посидеть над чертежами. Любу я тревожить не стал и прилёг на диване прямо в рабочем кабинете.

Я где-то читал, что сон осуществляет желание, которое ты не можешь реализовать в действительности. Но чтобы видение преподнесло всё в таких ярких и живых красках – для меня было совершенно в диковинку. Мне приснилось, что работа моя чудесным образом выполнена и принята, так что сегодня пятница и мы празднуем мой успех. Вся наша квартира полна гостями, они веселятся и радуются. Каждые полчаса хлопает шампанское, и меня окружают и целуют в щёки невесты откуда взявшиеся молодые девушки. Все они одеты по последней моде, в яркие тканые платья, с уложенными причёсками и разноцветными шарфами. Их юбки короткие, а глаза искрятся и сулят страсть, нежность и удовольствие, как только я уединюсь с одной из них в спальне...

Я проснулся в тот момент, когда начались танцы и зал наполнился музыкой и светящимися огоньками. Я открыл глаза – звенел будильник, а с улицы проникало сквозь шторы солнце. Засев за проект, я забыл и про соблазнительных девушек, и про лесть и похвалу, которыми они меня награждали. Прошло несколько дней, в течение которых я спал глубоко и без снов. Точнее, сейчас бы я сказал, что не запомнил их, поскольку сны, как кажется, снятся каждую ночь, – но тогда это были часы отдохновения, чтобы набраться сил перед насыщенным днём. Неделю спустя мой сон продолжился...

Во сне тоже прошла неделя. Вообще, время там, как я понял, шло параллельно реальному. Только в видениях я жил совсем иной жизнью. Если в действительности я трудился в поте лица и заботился о семье, то во сне – поощрял лесть в свой адрес, пользовался трудами других, всё чаще кутил и всё меньше заботился о Любе и детях. Тогда, спустя неделю после первого сна, в ночном видении мы отправились с коллегой в бар, нарезались там, взяли такси и продолжили веселье у кого-то в гостях. Я даже не предупредил Любу по телефону, а ночью и вовсе забыл о её существовании. Но то были только цветочки.

В течение последовавших нескольких месяцев я всё больше отдалялся от работы и от семьи. Вместо того чтобы трудиться, я начал пользоваться заработанным именем и всё чаще отправлялся на раз-

ные конференции и симпозиумы. У меня появился полноценный гардероб: костюмы из чистой шерсти, десятки рубашек и галстуков всех цветов и фасонов, армада кожаных ботинок, – я стал настоящий щёголь! Однако все мои поездки сводились к выступлениям из вежливых приветствий, комплиментов и дюжины заученных абзацев. Вечерами же мы собирались в ресторане и проводили время в бесконечных увеселениях и безрассудных кутежах. Однажды я вернулся из поездки ещё навеселе, не успев проспаться в поезде. Люба устроила мне сцену. Я вспылил и со злостью влепил ей пощёчину! Это был первый раз, когда я ударил Любу... Разумеется, во сне.

Тем тяжелее мне было осознавать, что всё это – один сплошной и нескончаемый сон, который включил неизвестный, но беспощадный ночной киномеханик. Наяву я дарил Любе розы, осыпал украшениями, мы были самой красивой парой в «Астории» – а во сне я начал ей изменять, унижать и в конце совершенно отдалился от неё... Наяву я трудился не покладая рук, так что не оставалось времени даже на то, чтобы отвезти на дачу купленную по знакомству черепицу, – а во сне я знакомился со светилами науки, а затем – с важными дипломатами и роскошными актрисами. Вместо гнетущих будней днём я получал постоянный праздник и карнавал ночью.

Первые поездки в Италию, Францию, на Кубу! Круизы на пароходе и танцы на приёмах в королевских дворцах! Кому бы это не вскружило голову!? Моя ночь начиналась с бокала шампанского, продолжалась в объятиях молодой жены престарелого министра, а заканчивалось всё будильником, который в половине седьмого утра шесть дней в неделю поднимал меня на работу. По воскресеньям я вставал в восемь...

Но и от без того изнуряющего графика мне пришлось отказаться! Я просто не мог выносить этих ночных ужасов. Я стал теряться, не в силах понять: кто я на самом деле? Тот я, который был во сне, «ночной я», подобной дилеммой не интересовался. Дневного же меня это тяготило сверх предела моего терпения! В какой-то момент я понял, что единственный способ не встречаться со своим разгульным alter

его – это работать ещё больше, чтобы спать совершенно невозмутимым и непробудным сном!

Никита Александрович откинулся в кресле и глубоко вздохнул, чтобы собраться с мыслями. После небольшой паузы он продолжил:

– Мне удалось не сталкиваться со своим двойником. Точнее, мне удавалось это долгие годы. Когда тебе тридцать и ты на пике физической и умственной формы, тебе легко удаётся избегать искушений мира сего. Тем более у меня из сновидения приключились, похоже, серьёзные проблемы. Меня ночного бросила Люба, выгнали с работы, я запил... Я же дневной совсем не обращал на это внимание! Когда у тебя появляется третий ребёнок, ты возглавляешь технологический отдел оборонного предприятия и попутно пишешь докторскую – проблемы персонажа твоих снов, пускай даже и тебя самого в проекции, мягко говоря, волнуют тебя мало.

Между тем, «его» жизнь проходила у меня перед глазами. В тридцать пять он улетел в Америку. На удивление быстро сколотил там состояние, организовав востребованный и успешный бизнес. Впрочем, давал не три, но тридцать три бала ежегодно и очень скоро приобрёл заслуженное ярмо авантюриста, прогорел и вернулся в старый свет.

Здесь он умудрился устроиться ведущим популярного научного ток-шоу и даже стал своего рода знаменитостью. Но вскоре со скандалом покинул телевидение. По большей части промышлял аферами и беспробудно пил. Что, между тем, обеспечивало ему низкий густой голос и иссиня-чёрную щетину, которыми он цеплял женщин с периодичностью раз за удачное дельце.

К сорока здоровье его самым закономерным образом пошатнулось, и во снах мне чаще слышались его кашель и отхаркивания, перемежавшиеся им с паршивым вином, которое он проглатывал литрами, и ночными кошмарами. Впрочем, я склонен называть их кошмарами иного рода, поскольку вполне логично предположить, что ему снился не кто иной, как я – успешный, заслуженный и неотвратимо счастливый! К тому моменту я уже стал дедушкой, в то время как он не имел наследника. По крайней мере, такого, о котором бы

знал. Поскольку разбрасывал своё семя по всей материковой Европе, совершенно не заботясь о том, что происходило с ним дальше...

В семейных преданиях я часто слышал о дедушке, который оставил пять дочерей от разных женщин в пяти городах страны. Я-ночной вполне подходил под описание этого симбиоза похоти бегуна за юбками, внешности запойного клоуна и благонадёжности шулера или фальшивомонетчика.

За все эти годы я сумел смириться с фактом того, что во сне мне снится негатив моей судьбы. Я научился принимать эту особенность как данность. Вроде того, как спортсмены постоянно сталкиваются с травмами. Или как крупнейшие учёные воспринимают проявления собственной гениальности в качестве неизбежного балласта, который они вынуждены на себе нести. Наверное, даже самый чуткий поэт с течением времени привыкает к удовольствиям творческого прозрения и к никчёмности себя в быту и повседневной жизни. К постсозидательному похмелью, когда весь мир кажется скомканным листом бумаги слабого стихотворения. Вот так же и я привык нести на себе необычное бремя – видеть самого себя, если бы много лет назад я пошёл по просторному и лёгкому пути.

Много лет я жил с «ночным собой», как с братом-близнецом, который первым раз угодил за решётку, когда ты учился в девятом классе. Иногда он звонит тебе и просит денег. Но ты знаешь, что, сколько бы ты ни дал, это не поможет ему устроиться на работу, осесть на месте, обзавестись семьёй. Он так же, как и раньше, исчезнет на год или два и позвонит с другого конца света, чтобы попросить об очередном денежном переводе. В таких случаях ты переживаешь за брата, но никогда не допустишь, чтобы печаль о нём проникла в твою собственную семью.

Этим простым принципом руководствовался и я до последнего времени. Пока его посещения не стали... невыносимыми! По-настоящему невыносимыми! Ему шестьдесят, но в моём сне он похож на девяностолетнюю мумию, вышедшую из гроба! Если бы я не видел его каждую ночь, то мог бы подумать, что его каждый день бьют по голове. Впрочем, вполне может быть, что так и есть. Пока я рабо-

тал, как-то справлялся с его еженощными визитами, с его сумасбродными пьяными выходками, площадной бранью и похабщиной. Но как только я вышел на пенсию, то потерял хватку...

Мне не хватает дисциплинированности и занятости. Много времени я провожу в безделье, и ночью, когда всё-таки засыпаю, ничуть не уставший за день мозг начинает с телевизионной чёткостью транслировать мою негативную жизнь. Настолько неприглядную, что я не могу признать её даже гипотетически своей! Это «его», чья-то чужая жизнь! Ужасная, отвратительная, омерзительная жизнь!

Флоровский внимательно слушал. Лепнин сглотнул слюну и признался:

– Понимаю, что моя история напоминает слабый пересказ портрета Дориана Грея... Но к кому ещё я мог бы обратиться с таким рассказом, о котором молчал почти сорок лет? Люба всё знает. Только даже она уже не в силах выдержать моих мучений. А я – не могу выдержать её страданий, поскольку вижу, как всё это буквально ест её изнутри...

– Согласен! – наконец, заговорил Флоровский, который всё это время внимательно слушал Лепнина и вносил пометы в свою записную книжку. – Слишком продолжительная история, чтобы маскироваться под психическое отклонение. С другой стороны, некоторые душевные расстройства могут таким образом настраивать сознание, что результат сиюминутной мысли способен замещать собой целый пласт воспоминаний. Ведь память – это в большей степени не то, что мы помним, а то, на что мы себя программируем. Однако я отвлекся...

Доктор несколько отстранился в кресле, как если бы разминал спину. Между тем взгляд его цепко впивался в лицо и особенно глаза Лепнина, мудрые, но уставшие глаза истерзанного человека.

– Зная о ваших достижениях, ставших результатом аналитического ума и волевого характера, я, со своей стороны, могу дать здравую оценку вашему теперешнему состоянию. А также удовлетворить любой ваш интерес в плане препаратов. В пределах разумного, конечно же. Сероквель, например. Один мой клиент питал к нему странный

пиетет и даже, помнится, написал цикл графических работ «Старинный сероквель». Но речь, разумеется, не об этом.

Насколько я могу понять, вашей ближайшей задачей является избавление от навязчивых состояний, связанных со сном. Купировать их, что называется, здесь и сейчас вполне возможно целым рядом препаратов и процедур. Однако при этом меня не оставляет интуитивное подозрение, что вас привело ко мне какое-то особое обстоятельство, которое заставило вас пересмотреть целых сорок лет одного-единственного непрекращающегося сновидения.

Никита Александрович бодро одёрнул подбородок, как борющийся со сном человек в метро, и с готовностью подтвердил догадку доктора.

– Да, вы совершенно правы! – Лепнин закачал головой, словно бы подтвердились все советы близких, что Флоровский действительно отличный специалист. Далее, правда, пациент замялся и лишь спустя паузу сообщил: – Если верить логике сновидения, мы с моим негативным двойником живём в одном времени, родились в один день и в один день... Одним словом... Дэнис рассказал мне, что умирает...

Флоровский невольно скривился.

– Дэнис?

Глава 3

Сизое солнце ещё поднималось над горизонтом, когда дверь внизу со скрипом отворилась и внутрь вошло трое незнакомых голосов. Один был женский, бойкий и звонкий. Двое других гостей лишь изредка задавали вопросы и угукали в ответ.

– Да, дом заброшенный и на первый взгляд неприглядный, – хорошо поставленным голосом вещала, судя по всему, девушка или молодая женщина. – Однако его стоимость составляет вряд ли *половину*, – она сделала акцент на этом слове, – от средней цены по рынку! При этом затраты на ремонт вряд ли превысят 15-20%. Другими словами, вы покупаете этот дом вдвое дешевле, вкладываетесь в отделку – и через пару месяцев выставляете по возросшему прайсу! Или живёте

сами и радуетесь уникальной возможности, которая вам сегодня под-вернулась!

Дэнис сразу понял, что девушка – риэлтор. Потому что ни один здравомыслящий человек не признал бы со всей объективной очевидностью, что «вкладываться» здесь можно не в «отделку», как выразилась агент по продажам, а в полноценное восстановление и реставрацию! Если не говорить вообще об укреплении фундамента, перекрытий между этажами и стен. К тому же без рабочей бригады в десять человек ни о какой «паре месяцев» мечтать не приходилось, поскольку работы по вывозу мусора и всякого хлама отсюда набралось бы на добрую неделю! Одним словом, Дэнис моментально сообразил, что в гости к нему нагрянула риэлтор «на тебе, боже, что нам негоже» и молодая парочка, которая по бедности ищет вариант совсем уж попроще.

– Обратите внимание, какая просторная гостиная в этом доме! На второй этаж с двух сторон ведёт массивная лестница, выполненная из редкой породы канадского клёна, – в риэлторе угадывалась экскурсовод. – Он выгодно отличается тем, что очень легко чистится. А если его покрыть слоем лака – ваши гости будут в полном восторге! Справа располагалась... располагается кухня, слева – великолепный зал. Давайте пройдем туда и всё посмотрим!

«Естественно, туда! – подумал Дэнис, всё ещё потягиваясь в барахле, в которое он завернулся на ночь, и протирая глаза. – На кухне разве что мёртвого опоссума не хватает, а так – экскременты, шприцы и горелая мебель в полном ассортименте!». Мужчина лежал на втором этаже, прямо над «великолепным залом», куда пробирались через груды тряпья и мусора незваные гости. Поэтому весь разговор стал слышим ещё больше, чем раньше.

Парочка с осторожностью и заметным испугом уточняла детали. Агент показывала на ряд покосившихся оконных проёмов и называла их «прекрасным видом на набережную». О реакции молодых людей судить было сложно, поскольку по большей части они молчали и слушали. Но можно догадаться, что из «роскошного особняка за смешные деньги» они бы убежали сломя голову, если бы не стара-

тельные уговоры риэлтора и не чувство такта, которое так иногда мешает в цивилизованном обществе.

Впрочем, Дэнис откровенно мимо ушей пропускал большую часть разговора, резонно полагая, что полезнее забить голову идеями о поиске завтрака. Поэтому когда прозвучал вопрос, нет ли в доме привидений, на который последовал театральный смех агента, Дэнис решил действовать смело и решительно.

Он резко вскочил с дюжины старых курток, служивших ему постелью, обмотался порванной и затёртой шубой и бросился к лестнице с воинственным кличем “Welcome to Zim Zam Zim!”. В правой руке он держал скипетр-вантус, а левой безуспешно расстёгивал ширинку, чтобы сверху помочиться на незваных гостей. Окончить задуманное ему не удалось, поскольку все трое с криками неподдельного ужаса мигом ринулись к выходу. На улице парочка побежала прочь по тротуару, а риэлтор кинулась к своей машине, которая предательски не хотела открываться. В итоге девушка запрыгнула внутрь и с визгом полетела по дороге под неистовый, животный смех шутника, наблюдавшего за всем происходящим из окна второго этажа заброшенного дома. Старик смеялся, кашлял кровью, матерился и снова смеялся, как приговорённый к смерти военнопленный.

Когда приступ скоморошничества закончился, старик взял ветхий стул, развернул его и сел ногами на сиденье, обхватив спинку перед собой для равновесия. Спустил штаны и пристроился тут же, так как наблюдательный пункт, по его мнению, прекрасно выполнял также функцию туалета. Дэнис затянулся бычком, заботливо оставленным им на подоконнике ночью, и стал с удовольствием тужиться.

– Дэнис! – произнёс он вслух и, довольный, выпустил струю дыма. У него появилась привычка менять имена каждый раз при смене места обитания. А так как в последнее время это происходило не реже трёх-четырёх раз в год, то и имена стали заканчиваться, так что выбирать приходилось уже откровенно неподходящие. «Дэнис». Слишком по-молодёжному. Бунтарский дух здесь вполне отражён, но несёт слишком заметным несовершенством. Надо будет сменить более европейским. Может быть, Марсель? И старик добавил вслух: –

Марсель! Французский художник в изгнании, скрывающийся от кредиторов и обвиняемый в растлении малолетних натурщиц! Отлично!

Гигиеническая процедура была окончена, и Дэнис стал собираться на поиски завтрака. Для этого он отхлебнул джина из украденной вчера в магазине бутылки и протёр лицо рукавом. Через секунду Манхэттен обогатился очередным бомжом, вышедшим на тропу пропитания.

Несмотря на дырявый пиджак, недельную щетину и следы побоев, Дэнис имел паспорт американского гражданина и счёт в банке. Каждый день он умудрялся собрать сумму, достаточную для недельного проживания в хостеле, однако ночевал всегда в подворотне или заброшенных домах. Это уже вошло у него в привычку. К тому же Дэнис собирал сумму на лимузин и ужин с шампанским и устрицами в ресторане гостиницы «Континенталь» в Лондоне. Он мог впроголодь тянуть ляжку по подвалам в течение месяца, зато потом брал билет в первый класс на трансатлантический рейс и наряжался щёголем, чтобы спустить всё в первый же вечер и осесть в первом попавшемся порту, куда приведёт его нелёгкая или выбросит с переломанными костями разъярённый дальнобойщик. Но в тот момент, когда ему приносили устриц на серебряном подносе и «вдову Клико» в серебряном ведёрке со льдом, – он уверял окружающих по-русски, что умеет «морочить судьбу»...

Десятки раз «обманутая» им судьба подарила ему выброшенный гамбургер, а спустя два квартала – открытую и едва початую бутылку пива, оставленную кем-то на автобусной остановке. Дэнис в два захода, с жадностью выпил выдохшийся напиток, и в желудке у него стало густо, а в голове – не так мутно, как с утра. Точнее, муть никуда не делась, но сделалось повеселей, так что на дышащую жаром голову и мусор мыслей можно было не обращать внимания. Дэнис любил утренний аперитив. В течение двадцати минут после него было самое отличное настроение. За ним возвращалась и наваливалась тяжесть бытия, затем хотелось есть, затем – пить, а угарные вечера и вовсе не приносили ничего, кроме жуткой головной боли и разбитых локтей и коленей.

Но сейчас Дэнису было хорошо. Он порхал по тротуару, не замечая лёгкости собственной походки. Хотя окружающие могли подумать, что больной в приступе спешит домой за лекарством. Обычно Дэнис плевать хотел и на окружающих, и на их мнения. Однако сейчас прохожие казались ему милыми и приветливыми. И он улыбался им в ответ, буквально плавая в гармонии мира на фоне просыпающегося мегаполиса.

Рабочий день Дэниса, если только можно назвать данным словосочетанием формы времяпрепровождения старика, начинался со входа в метро. Здесь он караулил и собирал мелочь, которую ещё не до конца проснувшийся житель Нью-Йорка терял, ронял, но торопился или не хотел поднимать, оставляя, таким образом, от трёх до десяти долларов в час. Рекорд Дэниса составлял двадцать семь, но та станция находилась далеко от нынешней его дислокации.

К десяти часам скиталец имел привычку примоститься около крупного финансового предприятия и играть на губной гармошке задушевные блюзовые вещи. Дорогие костюмы с портфелями в руках из сочувствия кидали банкноты, особенно если слышали поистине мастерское исполнение Клэптона или Кокера.

«Война войной, а обед по расписанию». Так любил повторять Дэнис, точнее – да теперь уже и не упомнить его настоящего имени... И этот девиз был одним из принципов, или «законов» его жизни. «Никогда не проси! – гласил самый первый из них. – Руки, ноги, а главное – голова есть, значит иди и зарабатывай!». Он, действительно, никогда не попрошайничал. Сборы в метро и игра на улице были для него именно заработком. Дэнис никогда не стоял с протянутой рукой у входа в Макдональдс, хотя лицензированные полицией нищие могли зарабатывать до трёхсот долларов в день! Дэнис никогда бы не встал на их место. Он мог питаться из мусорных пакетов с оброненными на пол гамбургерами, но никогда бы не стал попрошайничать. Точнее, ну как – «мог питаться»! Он обедал в Макдональдсе ежедневно! Только не с лицевой его стороны, а с задней. Обедал он и сейчас, надёжно спрятав заработанное за первую половину дня.

Наевшись, Дэнис решил поспать в картонке. А к четырём часам вернулся к заработкам, присоединившись к уличным аферистам. Смысл их затеи был прост. Они собирали толпу и устраивали игру в напёрстки или любое другое развлечение, в котором можно немного выиграть или много потерять. При появлении стражей порядка команда моментально разбегалась в разные стороны. Дэнис выступал как их временный союзник. Он ловко вытаскивал у зевак кошельки и ценные вещи и передавал ловкому юнцу, который умел бегать, казалось, по стенам и потолкам, так что его ни разу ещё не догоняли. Если же старика всё-таки ловили, то кошелек бесследно убегал прочь, а с пропитого бездомного в полицейском участке спрос был небольшой. Ловкость рук обеспечивала Дэнису тридцать пять процентов выручки. Старика уважали, и на деньги его никто не кидал, поэтому заработок был стабильный и толстый.

Вечером, выкурив в одиночестве шумящую самокрутку, Дэнис арендовал городской велосипед и катался по набережным, загадочно улыбаясь и на протяжении часа удерживая равновесие исключительно благодаря ежесекундному вмешательству ангела-хранителя. Если допустить, что тот брал удары судьбы и многочисленные падения на себя, то должно предположить, что ссадины и синяки у небесного заступника не успевали заживать никогда.

С наступлением сумерек силы, судя по всему, окончательно покидали любые бесплотные силы, отвечавшие за сохранность Дэниса. Тот неизменно пускался во все тяжкие, и кровоточащие конечности на утро свидетельствовали, что ночь прошла в целом спокойно. Но утро могло и не наступать, особенно если Дэниса без сознания, с разбитой головой увозила в госпиталь скорая. Тогда он просыпался лишь к следующему вечеру и со стоическим смирением принимал тот нейтральный для него факт, что ближайшие несколько дней он проведёт в приюте. Поскольку отсутствие страховки волей-неволей заставляло кожу головы срастаться самостоятельно, а мир при этом не без добрых людей.

В тот вечер Дэнис потчевался тушёной на огне собачатиной и краденым сидром. Подравшись с одним из столовавшихся под мо-

стом, Дэнис направил свои стопы к заброшенному дому, служившему ему жилищем последние пару недель. Путь был неблизким, но Дэниса это радовало. Он любил пешие прогулки, тем более его согревала фляга с дешёвым, но очень ароматным виски.

Придя домой, Дэнис ещё с полчаса бродил из угла в угол нетвёрдой походкой, спорил сам с собой, что-то себе доказывал и сам же соглашался. Улыбался, бился об углы и в конце концов решил лечь. Предварительно выкурил немного и спрятался в ворохе грязных курток. Несмотря на принятое снадобье, Дэнис не мог заснуть. Периодически он делал несколько глотков из бутылки, поворачивался и крихтел, но сон не шёл. Жутко гудела голова, впрочем, как и обычно, но заснуть не удавалось.

Наконец, в четвёртом часу ночи Дэнис почувствовал, как реальность уходит у него из-под ног, но ничего не смог с этим поделать. Он беспомощно растянулся на полу, обмяк и заснул, как младенец. Во сне он сперва слышал звонкие детские голоса. А затем увидел со спины качающегося в кресле мужчину, которого со всех сторон облепили дети. Камера сновидения обогнула героя, заглянула на него спереди, и Дэнис отчётливо увидел, что в плетёном кресле сидел – чистый, ухоженный, словно помолодевший, искренне улыбающийся и совершенно счастливый – он сам...

Глава 4

– Никита, дети приехали! – громко сообщила Любовь Степановна, глядя сквозь занавеску в окно.

Читавший за столом газету Лепнин бодро встал и приблизился к супруге.

– И Виталик, и Андрюша! – ликующе пояснила Любовь Степановна.

– Молодцы какие! – согласился Никита Александрович и обнял жену. Было видно, что приезд обоих его сыновей обрадовал его сердце. И добавил совсем уж сентиментально: – Приехали...

Сквозь ворота дачи въехали две машины. Из первой сразу же выскочили и бросились к дому детишки. Для ехавших во второй ребя-

тишек это означало позор, вследствие чего, выбежав следом, они сразу же затеяли ссору с целью доказать, что на самом деле это они первые, просто «папка специально следом ехал, потому что дядя Виталик гружёный!». Поднялся невообразимый шум, который, впрочем, быстро перерос в счастливый гомон, когда на крыльце появился Никита Александрович.

– Дедушка! Дедушка! – закричал разрозненный хор, и весь млад бросился к Лепнину обниматься и расспрашивать о подарках.

Прошло не более получаса, как вся большая семья в составе чуть ли не дюжины родных расселась за овальным столом на уличной веранде. Любовь Степановна разливала по тарелкам, которые тут же передавались к дальнему концу, прохладную окрошку. Оба сына Лепнина ещё переносили вещи в дом, а их жёны раскладывали нарезанный хлеб в плетёные корзиночки, помогая Любви Степановне, и кормили самых маленьких из рода Лепниных.

Никита Александрович торопил сыновей и наставлял их скорее занять отведённые им за столом места. Вскоре вся семья объединилась за трапезой, и глава клана поднял бокал клюквенного морса:

– Родные мои! Спасибо, что бросили все свои дела и приехали к нам! – Лепнин был краток. Он кротко поцеловал Любовь Степановну в губы и пригласил всех обедать. Раздался дружный шум ложек, и сердце Никиты Александровича, кажется, забилося ещё сильнее и горячее прежнего.

В разгар пиршества раздался дальний сигнал клаксона. Лепнин насторожился и постарался прислушаться посреди общего гудения, разговоров и смеха. Малые гости продолжали веселиться, а взрослые заговорщицки переглянулись и посмотрели на Никиту Александровича. Наконец, светловолосая красавица Лера, жена Андрея, нарушила молчание и негромко объявила:

– Это Ксюша!

Ксения была единственной дочерью Никиты Александровича и Любви Степановны. Она появилась на свет, когда обоим было уже за тридцать, а оба её братика уже ходили в школу. Лепнин горячо любил Ксюшу. Но радость по поводу её приезда многократно увели-

чивалась по причине того, что вся семья *полностью* соберётся сейчас на даче в этом году *впервые!*

Никита Александрович расплылся в невероятной улыбке, свойственной лишь старикам и влюблённым. Вся вместе семья, или, как он её называл на шотландский манер, «клан», собиралась не чаще одного-двух раз в год. В этом году праздник должен был сейчас состояться впервые. А, зная планы своих детей на осень и зиму, Лепнин мог предположить, что до Нового года эта встреча, скорее всего, так и останется единственной.

Буквально светящийся счастьем, он встал из-за стола и направился ко въездным воротам. Действительно, спустя минуту показалась машина Ксюши. С разных сторон она и её муж помахали Никите Александровичу, а внучка пролезла с заднего дивана и стала показывать сквозь лобовое стекло большую игрушку, видимо, недавно ей подаренную по какому-то важному случаю.

Теперь уже все выбежали из-за стола и встречали родственников взмахами рук и ликованием. Под крики приветствий семья Ксюши въехала на дачу, и через секунду весь дом слился в одном крупном объятии. Детишки кричали, Никита Александрович и Любовь Степановна плакали, остальные жали друг другу руки, целовались и тепло обнимались. Наконец, снова вернулись к столу, и разговор разгорелся пуще прежнего.

Спустя час Любовь Степановна принесла мороженого. Дети стали тут же пачкать им друг другу носы. Женщины стали прибирать со стола посуду, а мужчины перешли к обсуждению серьёзных вопросов. Наконец, Андрей спросил отца:

– Как у тебя со здоровьем, пап? Как спишь?

– Да где наша не пропадала! – старался казаться весёлым Никита Александрович, но было видно, что данная тема его не на шутку тревожит. Поэтому он решил не храбриться, а изложить всё, как есть, чтобы у сыновей сложилось цельная мозаика. – Ездили с Любой к доктору. Отличный специалист, кстати, оказался. Мы с ним долго разговаривали, и мне как-то даже легче после этого стало. Прописал таблетки сильные. Меня от них, честно говоря, мутит наутро. Всё, как

в тумане, реакция заторможенная, а в голове словно сахарная вата. Иногда сижу, на какой-нибудь предмет засмотрюсь и могу на полчаса из жизни выпасть. Короче, тупое состояние, мне не нравится. Ясности мысли и движений нет. Поэтому я только в крайних случаях применяю.

Любовь Степановна мельком взглянула на мужа: она-то знала, что «крайние случаи» у него случаются каждую ночь, только вместо того, чтобы выпить таблеток, он бродит в полумраке по дому, как лунатик, а затем весь день мучается от головной боли и перепадов настроения. Одна из невесток в этот момент закончила историю, которую рассказывала, и Любовь Степановна из вежливости сдержанно рассмеялась и отвернулась от Лепнина. Всё это время она его внимательно слушала одним ухом.

– Флоровский предлагает контролируемый сон, – продолжал, между тем, Никита Александрович. – Точнее, сон под наблюдением, в его клинике. С помощью томографа они фиксируют активность мозга и способны предотвратить приступы кошмара. Я пока размышляю над предложением. Сейчас мне не настолько плохо, чтобы переезжать в клинику, даже на несколько дней. Тем более туда вы вряд ли бы приехали с детьми! Поэтому все мы сегодня здесь.

Никита Александрович улыбался, но Любовь Степановна знала, что он не отправился в клинику только потому, что ждал детей. Состояние его становилось настолько угнетённым, что стационарное лечение оставалось единственным правильным решением. Они уже договорились на следующий же день после отъезда родных выехать к Флоровскому, под его личное наблюдение.

Но пока Лепнин держался молодцом. С другой стороны, почему бы ему следовало вести себя иначе. Ведь он был молод, потому что люди его характера и закалки отлично знают, что в шестьдесят жизнь только начинается. Никита Александрович был достаточно бодр, чтобы проехать на велосипеде до пятнадцати километров, а привычка обливаться с утра ледяной водой позволяла дать фору крепкому сорокалетнему. Поэтому Лепнин всегда был образцом не только нрав-

ственной личности, но и крепкого, жизнерадостного, целеустремлённого и бодрого человека.

Дети его любили, их супруги – уважали, а внуки – обожали. Именно поэтому, когда Никита Александрович устроился в плетёном кресле-качалке, они дружно обступили его со всех сторон и стали внимательно слушать его истории. В какой-то момент будто позавчера принятое лекарство подействовало на Лепнина. Сначала он осёкся на половине фразы. А затем словно бы увидел себя со спины. Дети затаили дыхание, молчали и ждали продолжения.

Вдруг вселенная содрогнулась всем своим небосклоном. Раздался невообразимый, совершенно жуткий грохот. А полотно неба, как бумажную декорацию, смяла чья-то огромная рука из потустороннего мира, и за смятой синевой и обрывками облаков показалась обшарпанная комната, в которой снимали кино о счастливой жизни. Лепнин увидел самого себя спереди, словно был гостем в собственном доме. Дети уже растворились в воздухе или лопнули, как мыльный пузырь или беспощадный мираж. И вдруг он сам – моментально постаревший, изменившийся в лице, метущийся и грязный – сдулся, как проколотый мяч, и закатился под кресло, в котором сидел секунду назад.

Дэнис вскрикнул, непроизвольно дёрнулся всем телом на полу и в ужасе открыл глаза. Жутко гудела голова, и он понял, что то был мимолётный сон. И что он по-прежнему безуспешно пытается заснуть в грудке грязных и рваных курток на скрипящих досках заброшенного и никому не нужного дома. Как прокажённый или умалишённый, Дэнис улыбнулся в пустоте гнилыми редкими зубами, сделал несколько больших глотков из фляги и перевернулся набок, чтобы забить себе ещё немного курева. Лишь оно могло принести ему ненадолго успокоение, но нормально заснуть не удавалось последние несколько лет.

Ему захотелось в туалет, но вставать не хотелось смертельно. Вдруг оригинальная мысль посетила его пьяный и скуренный мозг. «Вот если ты, мой достопочтенный альтер эго, видишь меня сейчас в своём буржуазном, счастливом сне – вот тебе мой подарочек!». Он перевернулся на другой бок, напрягся, и вскоре прямо перед ним на

полу стала образовываться слегка дымящаяся лужица. «Сейчас тепло, – оправдывал себя Дэнис, – к утру просохну».

Поняв двусмысленность последней фразы, он допил до дна, со звоном бросил флягу в стену и, показав миру фак, рухнул головой на пол, чтобы просмотреть новый сон о такой ненавистной жизни своего удачливого двойника.

Глава 5

– Он помочился прямо в штаны! – негодовал Лепнин, пока Любовь Степановна пыталась его успокоить. – Ему всего шестьдесят! Он не лежал без сознания в больнице, у него не было проблем с мочеиспусканием, и его не били хулиганы на улице! Он сделал это... просто так!

Никита Александрович судорожно ходил по комнате, в то время как жена ловила его, чтобы натереть чем-то ароматным виски.

– Это ужасно, ужасно! – повторял Лепнин. – Насколько нужно не уважать себя, чтобы такое делать! Люба, я так больше не могу! Поехали прямо сейчас ко Флоровскому! Позвони ему! Который час?

– Четверть пятого, – ответила Любовь Степановна, посмотрев на часы. За окном было ещё темно.

Никита Александрович осел на кровати, беспомощно опустил голову и всем своим видом показал, что готов смириться.

– Хорошо, я займусь расстановкой книг.

Вчерашним днём сыновья привезли Лепнину новые книги. Любовь Степановна знала, как он любил листать их, просматривать, нюхать типографскую краску... А затем вписывать в бумажный каталог, дублировать в компьютер и, наконец, расставлять по полкам, которым уже не оставалось места в самой большой комнате дома – библиотеке. Поэтому супруга отпустила Никиту Александровича. И когда он ушёл, в очередной раз открыла книгу Эрнеста Флоровского, уже ставшую для неё настольной, – «Очерки метафизической шизофрении». Лепнина со скорбью утверждалась в неприятной и совершенно неправдоподобной истине, что её мужу требуется профессиональная психиатрическая помощь...

Никита Александрович больше всего боялся немощи. Старческой слабости, которой он обременит своих близких. Любовь Степановна десятки раз слышал, что её муж предпочёл бы эвтаназию такому существованию. Но ни он сам, ни его супруга в страшных снах не представляли, что исходом его блестящей и плодотворной жизни могло стать безумие. Лепнин не верил в это, поскольку искренне считал свои наваждения реальными, а не индуцированными. Любви Степановне всегда хотелось верить, что иллюзорные переживания из-за ночного двойника-отщепенца – психологическая проекция мужа, как бы собирательный образ его антипода, от которого он всегда старался максимально дистанцироваться.

Любовь Степановна считала, что вымышленный, ночной Лепнин на протяжении долгих лет выполнял функцию морального ограничителя «от противного». Сейчас, ближе к шестидесяти, она вдруг явственно поняла, что всё это время в её любимом супруге разрасталась и крепла душевная болезнь, которую он преодолевал исключительно силой воли и беспрецедентным интеллектом, творившим демонов исключительно для того, чтобы самому быть для семьи ангелом.

«Может быть, он выработал свой ресурс и теперь вынужден сломаться под натиском времени и напряжённой работы?» – думала Любовь Степановна в давно ставших для неё привычными инженерных категориях. Она подсматривала, как Лепнин разбирает книги, гладит их, осторожно обнюхивает, как кошка новую вещь, и с нежностью кладёт на специально отведённое место на столе. Раньше подобная грациозность казалась ей душистой приправой к рафинированному и упорядоченному уму. Сейчас она увидела свойство характера, никак с умом не связанное. Никита Александрович вдруг представился ей совершенно потерянным и разбитым болезнью. Не помня предназначения склеенных листов и забыв даже сами буквы, он с такою же лаской гладил книги, но представлял собой лишь руины когда-то светоча науки, профессора Н. А. Лепнина.

Никита Александрович поднял глаза и заметил супругу. Улыбнулся ей радостно и живо.

– Ломброзо, «Гениальность и помешательство»! – провозгласил он, как если бы победоносец предъявлял войску корону поверженного врага. – Давно хотел её перечитать! Настоящий прорыв для своего времени! Интересно бы у Эрнеста спросить, каково его мнение.

Лепнин продолжал улыбаться, искренне не понимая всей двусмысленности ситуации – пациент с признаками душевного расстройства интересуется мнением своего психиатра о сочинении другого...

Любовь Степановна нашла в себе силы улыбнуться в ответ, сообщила, что не будет больше отвлекать супруга, и закрыла за собой дверь. Поторопилась перейти в другую комнату, потому что слёзы горячим потоком без спроса потекли у неё из глаз. Будучи по природе не слишком религиозной, она с удивлением обнаружила в себе непреодолимое желание помолиться. С полным ощущением преступного деяния, едва ли не предательства и уж по крайней мере предосудительного поступка, она заперлась в комнате и перекрестилась.

Доставшаяся ей от бабушки Богородица была единственной иконой в доме, которую Любовь Степановна берегла – не как святыню, но как семейную реликвию. Женщина глухо зарыдала и встала перед ликом на колени. Богородица молча слушала...

В девять часов утра Любовь Степановна, строгая, благородная и элегантная, набрала номер клиники Флоровского. Доктор уже был на месте и сообщил, что ждёт Лепниных у себя в любое время. Супруга Никиты Александровича ответила, что они готовы выезжать и будут с учётом пробок не позднее, чем через час. Давно ожидавшее пассажиров такси выехало из ворот дачи и устремилось в город.

Эрнест Максимилианович встретил пациента в кабинете. Попросил оставить их вдвоём. Консультация длилась полчаса, после чего доктор с Никитой Александровичем пригласили Любовь Степановну войти. Согласно рекомендациям Флоровского, Лепнин оставался в клинике на неделю. Ему отводилась отдельная палата с сиделкой. Супруга, разумеется, могла приходить в любое время и ночевать по своему усмотрению. Пациенту был прописан постельный режим с курсом лекарств и процедурами электрошоковой терапии – со-

всем не такой устрашающей, как представляется обывателю, пояснил Флоровский. Дальнейшее подскажет «анализ динамики состояния»...

В первую ночь Любовь Степановна осталась с супругом. К нему подключили кучу присосок с электродами, мониторы показывали ритмы и цифры. Флоровский рассказал, что сновидения возникают в фазе быстрого сна, которая длится совсем короткий период времени. Если в начале данной фазы спящего разбудить лёгким касанием, то он, скорее всего, очнётся и сразу же заснёт. Так что никакого видения во сне не будет.

– Впрочем, если тревога вызвана именно сновидениями, а не галлюцинациями или психотическими состояниями. Заодно мы это и выясним. По крайней мере, точно узнаем обратное, если кошмар проявится в какой-то иной фазе, когда сны не снятся, – добавил Флоровский.

Сам он ради пациента остался ночевать в клинике. Однако его вмешательства не потребовалось: Лепнина искусственно будили трижды, после чего он спокойно и умиротворённо засыпал. За восемь часов он прекрасно выспался и выглядел свежим и отдохнувшим. Почти не смыкавшая от переживаний глаз Любовь Степановна немного успокоилась и отъехала на дачу. Вечером она вернулась и застала мужа бодрым и даже жизнерадостным. У него почти не болела голова, а недавняя прогулка по саду клиники добавила румянца его щекам. Находившись и привыкнув к новому месту, он заснул быстро и крепко.

Во вторую ночь Никиту Александровича будили дважды. В первый раз он сразу же заснул снова, во второй – проснулся и минут десять разговаривал с женой. Затем перешёл на тихое бормотание и вскоре расслабился и притих. Дыхание его было ровным и спокойным, и Любовь Степановна задремала сама. Утро застало их вместе, и разлучил их только массаж, который Флоровский прописал Лепнину для расслабления и стимуляции нервных окончаний.

Никита Александрович нежно поцеловал жену и ушёл в сопровождении медсестры. Любовь Степановна с надеждой смотрела ему вслед, впервые поверив, что всё ещё может поправиться. Господин

Флоровский оказался более сдержан в своих оценках, однако отметил, что перспективы выздоровления вполне реальны. Если говорить про общее эмоциональное состояние. Между тем, о полноценном исцелении говорить было преждевременно, поскольку даже точный диагноз ещё не поставлен. Не определён феномен сонного двойника – есть ли он проекция больного воображения? психического расстройства? последствие травмы?

– Наиболее очевидной могла бы выступить версия самого Никиты Александровича, – рассуждал Флоровский. Его глаза выдавали продуктивную и воодушевлённую работу мысли. – Его ночное alter ego – результат фантазий вашего супруга относительно самого себя, пошедшего по неправильному моральному пути в жизни. Однако Никита Александрович реконструирует судьбу своего негативного двойника, как самый наблюдательный и аккуратный биограф. Такое обычно не встречается. Иначе каждый из нас мог бы видеть самого себя в негативном измерении, когда днём ты доктор Джекил, а ночью – мистер Хайд. Причём на протяжении всей своей жизни! Но мы с вами не литературные герои. Психиатрическая наука знает феномен двойничества, но чтобы дублёр возникал исключительно в сновидении – явление другого порядка, подходящее по симптоматике под иные расстройства.

Флоровский имел привычку ходить из угла в угол, но при супруге пациента сдержал себя и продолжил, сидя за столом. Увлечённость проблемой выдавала активная жестикуляция, склонная более южному торговцу, чем северному врачу.

– Возможно, имеет место нарушение нормального функционирования механизма памяти, – заметил он. – Вы наверняка сталкивались с дежа вю – ощущением, что когда-то в прошлом вы уже были в данном месте, видели данного человека или испытывали определённые эмоции. Современная нейробиология приоткрывает перед нами завесу тайны, подсказывая, что наша фантазия формирует новое представление быстрее, чем память успевает добраться до своих бездонных хранилищ. И прежде чем выудить необходимые сведения, она буквально натывается на только что сформированный образ, который

воспринимается как воспоминание. Проще говоря, вашему сознанию удаётся записать телефон нового знакомого быстрее, чем вы успеваете с ним познакомиться. Мозг фиксирует его лицо быстрее, чем вы осознаёте, что видите перед собой незнакомого человека. А память уже сообщает вам, что вы его знаете! – Флоровский описал рукой в воздухе фигуру пилотажа, как если бы пытался на скорость закрыть крышкой банку с пауками.

Доктор понял, что несколько увлёкся, что супругу Лепнина больше волнует, скорее, результат лечения, чем алгоритмы памяти и её нарушения. Поэтому Флоровский решил подытожить сказанное для данного конкретного случая.

– Если озвученная гипотеза окажется верна, мы сможем назначить эффективное медикаментозное лечение. Учитывая современное развитие фармакологии...

Он не успел договорить, потому что в кабинете ворвалась молоденькая практикантка, белая от испуга, и сообщила громким шёпотом:

– У пациента приступ! Лепнин, 60 лет...

Флоровский быстро поднялся со своего места и устремился к массажному кабинету, куда был направлен Никита Александрович. Любовь Степановна семенила следом и, в страхе увидеть ужасное, держалась за сердце. В кабинете Лепнина окружали двое огромных санитаров, медсестра и сиделка. Но пациента уже никто не держал, поскольку он сидел спокойно и лишь нервно покачивался взад-вперёд.

– Что случилось? – громко спросил Флоровский.

– Его сбила машина! – пытаюсь сохранять спокойствие, тем не менее запричитал Лепнин. – Прямо у меня на глазах! Хорошо, не насмерть! Но теперь я не знаю, что с ним...

– С кем, Никита? – вкрадчиво спросила Любовь Степановна, взяв ледяные руки супруга в свои, горячие. – Кого сбила?

– Дэниса! – с наивным оттенком обиды ответил Лепнин, будто речь не могла идти ни о ком другом.

Флоровский назвал ассистентам препарат и распорядился сделать укол, пять кубиков. Лепнина после него потянуло в сон, но никаких видений в течение последовавших за тем часов забвения он не наблюдал. Эрнест Максимилианович обещал собрать консилиум. Любовь Степановна поблагодарила его, но в свободную минуту позвонила старинной приятельнице, справиться о её знакомом священнике, о котором она отзывалась как «сильном» и «помогающем». После утреннего инцидента Любовь Степановна решила хвататься за любую соломинку, которую предлагает ей жизнь, судьба и опыт её самой и всех вокруг.

Глава 6

Отец Дионисий разоблачался после церковной службы. Священник снял фелонь, остался в одном багровом подряснике и стал расшнуровывать поручи. Несмотря на будний день, в храме собралось много народу. Сейчас верующие прикладывались к иконам, кланялись и расходились, но всё равно было многолюдно и даже тесно. Отец Дионисий нашёптывал молитвы и иногда поглядывал через резные царские врата на прихожан. Среди них обращала на себя внимание дама лет пятидесяти пяти. Судя по её наряду, она была богата, но не кичилась этим и выглядела, в целом, элегантно и строго. Между тем, неотступная печаль искажала её красивое лицо. Женщина приложилась к иконе, но не вышла из храма, а остановилась в сторонке в правом приделе. Священник понял, что она ждёт его, и, закончив разоблачение, вышел через диаконскую дверь из алтаря.

Как он и ожидал, дама двинулась ему навстречу. Целый сонм прихожан отложил на несколько минут их встречу: люди подходили под благословение, что-то спрашивали или рассказывали и в любом случае не торопились отпустить священника. Наконец, отец Дионисий освободился и направился к выходу. Ожидавшая приблизилась к иерею и деликатно, не без тени смущения, поздоровалась:

– Добрый день, отец Дионисий! Я к вам от Ольги Александровны Дроздовой, по поводу мужа!

Священник ответил на приветствие и приготовился слушать, предварительно спросив имя собеседницы.

– Меня зовут Любовь Степановна, – ответила та. – Я жена Никиты Александровича Лепнина, руководителя ОКБ «Старт». Я пришла к вам посоветоваться о его состоянии.

– Пожалуйста! – с готовностью ответил настоятель и уточнил: – Что вы хотите?

– Я хотела бы узнать... – Любовь Степановна замялась и выбрала выражение помягче, – у нас не очень верующая семья, и я плохо представляю, что в таких случаях делать, но – что вы обычно советуете таким же, как мы? Ольга Александровна сказала, что сообщила вам основное...

– Да, она ввела в курс дела, – подтвердил отец Дионисий. – С первого взгляда сложно дать церковную оценку вашему случаю. Но в общем виде святые отцы интерпретируют подобные явления как бесовские наваждения. И лекарством от них называют молитву, пост и вообще всякие духовные или, скажем так, самоаналитические усилия. Я прекрасно понимаю, что данные представления не вписываются в вашу картину мира. Знаю также, что Никита Александрович сейчас находится под наблюдением специалистов. И если вас привело ко мне отчаяние и надежда, то ваш супруг, боюсь, не захочет увидеться со мной.

Отец Дионисий умолк. Так как выражение его лица свидетельствовало о законченности мысли, Любовь Степановна невольно выдохнула и уточнила:

– Вы отказываете нам? – она не верила своим ушам.

– Конечно же, нет! – спокойным тоном ответил священник. – Церковь всегда призывает к себе своих чад. Просто я говорю о том, что Никита Александрович вряд ли захочет со мной увидеться. Я знаю его отрицательное отношение к религии, но при этом считаю его доводы взвешенными и систематическими, пускай и односторонними. Его позиция, в корне не совпадающая с моей, тем не менее вызывает у меня уважение. Я лишь высказал предположение, что вашему мужу будет претить одна мысль встретиться с церковником. Тем

более если договорённость о встрече была достигнута у него за спиной.

Любовь Степановна по-прежнему не верила, что слугитель, которого ей так горячо рекомендовали, занимал столь независимую позицию. Что его пришлось бы, пожалуй, и уговаривать! Хотя женщина искренне представляла священников неотложными лекарями, врачевание которых касалось только не тела, а души, и не приносило измеримой пользы. Неожиданно иерей предстал перед ней в неожиданном свете. По-своему поняв молчание гостыи, отец Дионисий перешёл к сути.

– Я могу предложить вам следующее. Первый вариант. Никита Александрович приезжает сюда, в храм, исповедуется и причащается. Предварительно мы можем подробно с ним поговорить. Если он, конечно, захочет. Второй вариант. Я приезжаю к Никите Александровичу в больницу или домой, беседую и причащаю его. Опять же – если он этого захочет. Чтобы это узнать, вам следует поговорить с супругом, иначе от любых наших договорённостей не будет никакого толка. Наконец, третий вариант. Наверное, не последний, но, на мой взгляд, самый действенный. Вы молитесь за мужа и приходите ко мне причаститься сами.

– Вы что, серьёзно!? – спустя короткую паузу воскликнула Любовь Степановна. – Я еду к вам через весь город, чтобы услышать ваш отказ?

Остававшиеся к тому времени прихожане стали даже оглядываться, настолько громким казался её голос посреди храмового шёпота.

– Ваш план сводится к тому, чтобы вместо того, чтобы сидеть с мужем, я ездила к вам сюда молиться? – Было видно, что она еле сдерживалась, чтобы не сорваться и не наговорить большего. В любом ином случае Любовь Степановна ни за что не позволила себе подобной дерзости, но сейчас в ней говорила обида обманутой надежды и скорбь о муже, которому она тщилаась помочь этим иллюзорным средством. Так простреленную навывлет грудь прикрывают рукой, чтобы остановить кровь... – Мне до сих не верится, что я слышу от вас такое!

Любовь Степановна не отводила с отца Дионисия глаз. Тот, между тем, всё так же спокойно смотрел ей в глаза, будто не сказал ничего обидного или крамольного.

– Извините, если разочаровал ваши ожидания, – сказал он тоном самым обиденным. Так отвечают менеджеры крупных компаний, когда клиента не заинтересовывает их предложение. – Все мы будем молиться за здоровье вашего мужа!

– Это единственное, что вы можете сказать? – не без сарказма проговорила Любовь Степановна.

– Это единственное, что мы можем сделать! – неожиданно воодушевлённо ответил священник. – Представьте себе человека, пришедшего полюбоваться на звёзды. Как вы его назовёте, если он будет осуждать всё вокруг за то, что его глаза такие слабые, что не могут рассмотреть чуточку ближе даже самую яркую звезду? И как вы его назовёте, если в кармане он принесёт с собой пускай маленькую подзорную трубу? Церковь верит, что молитва – это телескоп, мощность которого зависит от желания человека видеть звёзды и чудесное в них вместо того, чтобы безрезультатно осуждать слабость нашего зрения.

– Понятно, всё дело в наблюдателе, а не в небе! – как вердикт, произнесла Любовь Степановна. По её мимике, жестикации и, как говорят англичане, языку тела было понятно, что она собиралась уходить. – И во всех наших бедах следует судить нас самих, потому что мы не можем угадать или распознать в них космического замысла творца... Спасибо вам, отец Дионисий, что выслушали меня! – подытожила она. – До свидания.

– Прежде чем вы уйдёте, – с энтузиазмом проговорил священник и взял собеседницу за локоть, – я попрошу вас принять от меня вот это.

Иерей провёл Любовь Степановну к свечному ящику и выудил из его разнообразных запасов небольшую икону, распечатанную, казалось, на куске спрессованной древесины.

– Это Пантелеймон Целитель, – сообщил батюшка. – Я понимаю, что для вас это слабое утешение, но если вам совсем не останется, к

кому обратиться, – помолитесь перед образом святого. Помолитесь, как получится, своими словами или вот, возьмите акафист.

С этими словами он передал Любви Степановне книжечку в мягком переплёте.

– Я всегда готов вам помочь! Приходите или звоните в любое время, мой номер вы знаете! Не буду вас больше задерживать!

И священник поклонился, чтобы проститься с посетительницей.

– Всего доброго... – только и успела ответить Любовь Степановна, как отец Дионисий развернулся и бойким шагом направился назад к алтарю, откуда вышел к ней навстречу считанные минуты назад. Лепнина в недоумении пожала плечами и, как зачарованная, продолжала смотреть на иконостас, перед которым уже никого не было.

Глава 7

У психиатра Эрнеста Флоровского выдался свободный вечер. Жена доктора после работы прилегла поспать, и он заперся в рабочем кабинете, чтобы разобрать старые бумаги. Это занятия приводило его в совершенный восторг, поскольку позволяло освободить большую часть стола и книжных полок, которые за пару месяцев доверху забивались рукописными и распечатанными листами, папками и журналами. Но главное удовольствие Флоровский получал от очистки сознания, успевавшего забиться ненужными мыслями, констатациями, построениями и планами.

Сам процесс чистки проходил в три неравномерных этапа. Большую часть времени занимало распределение всего богатства бумажных артефактов по кабинету с выделением отдельного угла под корзину. Данная операция могла длиться от сорока минут до двух часов. Затем следовало складывание неактуальных документов в архив, минуты две. И наконец – приведение в систему оставшихся бумаг.

Флоровский находился уже на заключительном этапе, когда в кабинет зашла его супруга.

– Ты проснулась, Машенька? – продолжая разбираться с вещами, поприветствовал её Эрнест. – А я как раз заканчиваю.

– Хорошо! – ещё заспанным голосом ответила Маша и зевнула. – А это почему оставил?

И она подняла с ручки кресла старую тетрадь. Флоровский открыл её и с удивлением обнаружил на первой же странице старый сон, который он видел ещё студентом. «Снилось, что я участвую в развлекательном шоу за границей, то ли в США, то ли в Англии. При этом я не специалист в области психиатрии или криминалистики, а – математик! Ведущий спрашивает у меня про новейшие исследования в математике, а я с умным видом рассказываю почему-то о квантовой механике...».

Флоровский вдруг отчётливо вспомнил тот сон. Как молния освещает ночное небо, так в памяти доктора возник образ ведущего в том далёком-далёком сновидении. От неожиданности психиатр открыл рот и выронил из рук тетрадку: ведущим ток-шоу был не кто иной, как Никита Лепнин! Причём, судя по реалиям перестроечного сна, не он сам, а его выбравшийся за границу двойник! Впервые в жизни Флоровский испугался за собственное душевное здоровье. Потому что либо это был чей-то продуманный и невероятный подлог, либо – и всё прямо свидетельствовало в пользу второго варианта – доктор познакомился с двойником Лепнина много лет назад в собственном сне...

Глава 8

Леонид Резневский поздно лёг, не успел с утра сделать задуманное с вечера, задержался на встрече с клиентом и сейчас опаздывал на лекцию. Настроение особенно ухудшалось в связи с тем, что Резневский не был преподавателем. Уже несколько лет после выпуска из института он работал юристом, причём в основном занимался экономическими делами. Заместить один семестр его попросил наставник по вузу, который использовал наиболее талантливых и перспективных выпускников в качестве лекторов, а заодно и авторов научных статей, публиковавшихся коллективно. Одним словом, убивал сразу двух зайцев – освобождал для себя время и продолжал издавать научные исследования. Взамен молодые «учёные» получали упоми-

нения себя-любимых во всё тех же общих монографиях, но главное – исполняли трудовую повинность, обязательную для входа в высший эшелон адвокатуры региона.

Несмотря на осознание всей пользы от подобного замещения, Леонид очень недолюбливал выступления перед студентами. Поначалу он вовсе считал, что это время тратилось впустую. Но затем был вынужден признать определённый шарм преподавания, которое на удивление мощно заряжало энергией и давало значительный импульс для основной деятельности. Тем не менее в недели загруженности на работе читать лекции было не с руки. Именно сегодня полтора часа оказались бы чрезвычайно кстати. Но, к своему сожалению, Резневский должен был потратить их на очередную лекцию. Честно говоря, он даже не помнил тему предстоящего занятия, так что приходилось, как это нередко бывает, импровизировать.

Молодой человек вошёл в аудиторию с десятиминутным опозданием. Сотня студентов немного снизила уровень шума. Или, лучше сказать, воя, который наполнял помещение. Резневский поздоровался со слушателями, раскрыл портфель и продолжал говорить дежурные фразы, пока искал распечатки с предстоящей лекцией, чтобы уточнить её название. Наконец, нашёл нужное.

– Тема нашего сегодняшнего занятия, – громко провозгласил он, чтобы сразу завладеть вниманием аудитории и показать, кто здесь лев, в этом зверинце, – «Наследование по завещанию».

И он сразу включился в работу – вспомнил определение из гражданского кодекса, процедуру оформления, условия действительности и возможности обжалования. Наконец, перебрал в голове парутройку занимательных или курьёзных завещаний в истории и начал лекцию.

– В контексте гражданского права, – прозвучали его вступительные слова, – особое место занимают имущественные права, основанные на воле заявителя при условии прекращения его право- или дееспособности. К таким случаям могут относиться лишение свободы по решению суда, психическое заболевание и целый ряд обстоятельств. Но в абсолютном пределе таким прецедентом является физическая

смерть, которая прекращает существование человека как индивида, но не как субъекта права. Неслучайно я также сделал акцент на *воле* изъявителя, – Резневский сделал акцент на слове «воля». – В случае, если умерший не оставил после себя должным образом составленного документа, вступает в силу наследование *по закону*. Сегодня же мы поговорим о наследовании *по завещанию*. Которое является нотариально заверенной волей завещателя с изложением наследников и причитающего им материального, а также любого иного вида имущества. Итак, запишем тему сегодняшней лекции – «Наследование по завещанию».

Резневский сделал небольшой шаг, театральным жестом скрепил ладони, готовясь к монологу. Лекция, которую он собирался прочесть, за последние два года была повторена им перед доброй тысячей студентов неоднократно. Поэтому пока Леонид делал вступительные замечания, в его голове успел сложиться подробный план выступления, которые доводились им до автоматизма. Молодой преподаватель приступил к изложению. Распечатанные лекции требовались ему для зачитывания цитат или уточнения каких-либо деталей. Поэтому в основном он ходил из стороны в сторону на возвышении перед доской и иногда отмечал на ней наиболее важные сведения вроде статей кодексов или терминов, которые студенты могли не знать.

– В ходе самой истории особая отрасль права, такая, как наследственное право, определяла баланс между частными, общественными и государственными интересами в области имущественных отношений. С древних времён важнейшим инструментом приобретения права собственности служил переход такого права в порядке наследования. Данная практика выступала и продолжает выступать в качестве гарантии имущественных и иных интересов наследников. Как правило, ими выступают ближайшие родственники наследодателя. Однако законодательство большинства государств во все эпохи позволяло передавать собственность иным лицам, организациям и самому государству. А также учреждениям или живым существам, которые не во всех странах признаются субъектами права, в частности, животным.

Кроме того, могут обозначаться особые правила, требуемые для вступления означенных в завещании лиц в законное наследование.

Леонид взял в руки лист с распечатанной лекцией и зачитал цитату об институте завещания в истории прежних цивилизаций, давших нам ориентир в области права:

– В древнем Риме, – начал Резневский, – считалось, что любой человек должен был готов уйти из этой жизни в любое время, но уйти таким образом, чтобы после его смерти у его близких и друзей не возникло сомнений в действительной воле наследодателя в отношении распределения имущества, которое он оставил живущим. Грамотно составленное завещание свидетельствовало о состоянии ума человека, о ясности его мыслей, способности отдавать отчёт своим действиям и предвидеть последствия своей последней воли.

Молодой человек дочитал и обратился к аудитории, придавая своему выступлению характер открытости и даже диалогичности:

– Вы можете вспомнить, – доверительно продолжил он, – произведения литературы и кинематографа, в которых сюжет построен на исполнении воли завещателя и связанных с этим различного рода интригах. Мне, например, приходит на память фильм «С днём рождения, королева», согласно которому трое сыновей якобы умершего наследодателя получают причитающееся им по завещанию имущество только в том случае, если в течение двух дней успеют жениться! – по аудитории прошёл сдержанный смешок. – Но это фильм сравнительно устаревший, ему почти десять лет. А вот вышедшая в текущем году лента, которая также построена на обыгрывании темы завещания, наверняка у всех вас на слуху. Ну что, назовёте фильм?

Лекторий пребывал пока ещё в полусонном состоянии. Никто не ответил, поэтому Резневский дал подсказку:

– Похищенная картина, убитый душеприказчик с отрубленными пальцами, связь портье с престарелой завещательницей...

– «Отель “Гранд Будапешт”»! – раздался голос с пятого ряда. А за ним ещё пара студентов начала произносить «отель...», но осеклась на полуслове, поскольку правильный ответ уже был дан.

– Конечно! – бодро отозвался Резневский. – «Отель “Гранд Будапешт”» по мотивам Стефана Цвейга. Абросимов, как обычно, всех опередил в ответе на вопрос, не связанный с правом.

– А как же «душеприказчик с отрубленными пальцами»? – парировал Абросимов. – Разве он не связан с правом?

– Связан, – согласился Леонид, но ответил уколом на укол. – Но ты не назвал фильм после его упоминания, а предпочёл дожидаться темы консьержа и престарелой завещательницы...

Аудитория рассмеялась. Резневский прекрасно знал: лучшая схема ведения полутарочасовой лекции – это приободряющая фраза или лаконичная шутка в начале занятия, десять минут спустя, в середине и под занавес. Прекрасно располагает к себе слушателей и оставляет хорошее впечатление о лекторе. А главное – заставляет студентов концентрироваться в промежутках между шутливыми минутками – «мишутками», как называл их Леонид.

– Ладно, давайте вернёмся к нашей теме. Главным источником по наследственному праву для нас является гражданский кодекс, третья часть которого определяет наследство следующим образом. – Резневский сделал паузу, чтобы студенты приготовились записывать. – Наследство представляет собой имущество, передаваемое после смерти владельца в собственность другому лицу. Имущество может быть движимым и недвижимым...

Спустя пять минут диктовки молодой человек задумчиво посмотрел вдаль, как если бы противоположная стена аудитории находилась через квартал от него, и произнёс:

– Запишем определение завещания, которое сформулировал профессор юридического факультета Ленинградского государственного университета, советский и американский юрист Олимпиад Соломонович Иоффе.

– Олимпиад? – раздался смешливый голос с третьего ряда, после чего аудитория дружно захихикала и оживилась. А всё тот же шутник вопросительно добавил: – Олимпиад Соломонович?

– То есть собственное имя «Янис» тебя не смущает? – уточнил Леонид, и присутствующие рассмеялись ещё сильнее. – Прояви

больше фантазии, назови своего сына Универсиадам! Будет Универсиад Янисович!

Резневский дал возможность студентам высмеяться и продолжил:

– Итак, запишем определение завещания профессора Иоффе. Кстати, самого молодого доктора юридических наук в советской России. – И Леонид начал диктовать: – «Завещание – это односторонне-распорядительная лично-формальная сделка, совершаемая на случай смерти в целях упорядочения наследственного правопреемства».

Повторив ещё раз и дождавшись, когда студенты запишут определение, Резневский отметил:

– Чтобы закрепить данное положение, подчеркнём в качестве важной характеристикой завещания как сделки её односторонность. Проще говоря, для отдания распоряжения не требуется согласия наследников. С другой стороны, они всегда вправе отказаться от наследства. Также важно отметить, что завещание само по себе не порождает наследственных правоотношений. Они возникают только после открытия наследства, для которого существует естественная причина – смерть наследователя. Наследование по завещанию, – он сделал жест, как если бы раскрывал веер одной рукой, – уже по самой своей основе предполагает, что указание наследников и причитающихся им частей будет произвольным, основанным исключительно на решении завещателя.

Леонид дал слушателям «впитать» информацию и продолжил:

Объём текста завещания, как правило, не регламентирован. История знает как самые короткие, так и самые длинные завещания. Почти сто тысяч слов, размер небольшого романа, – таков своеобразный рекорд текстовой величины завещания. Его оставила после себя американская домохозяйка, имевшая множество друзей и ещё больше врагов. Неудивительно, что на составление всего текста ей потребовалось два десятилетия своей жизни.

Самое же короткое завещание составил немец, – Леонид обратился к лекциям, – Карл Тауш. В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году он изложил свою последнюю волю всего двумя словами – «Всё жене».

Женская часть аудитории умиленно-мечтательно вздохнула, а Резневский отметил:

– Однако далеко не все завещатели среди мужчин оказывались столь привязанными и благодарными своим жёнам. Один австралиец составил, пожалуй, самое шовинистское и даже оскорбительное по отношению к женщине завещание. Всё своё состояние он оставлял друзьям, а супруге... Девушки, заранее простите меня за следующую цитату! Я озвучиваю текст завещания исключительно в образовательных целях. Тем не менее ещё раз извиняюсь! – Леонид обратился к распечаткам и продолжил: – Итак, своей жене он завещал всего один шиллинг, который, цитирую, «она должна потратить на трамвайный билет, затем поехать куда-нибудь и утопиться».

Женская часть аудитории вознегодовала, в то время как юноши разделились. Одни одобрительно присвистнули, другие сжали губы и осуждающе помотали головой. Вместе с тем никто в аудитории не остался равнодушным к прозвучавшей истории, и некоторое время Леонид ожидал, пока прекратится шум.

– Тишины! – наконец, провозгласил он. – Призываю всех к порядку! Да, я и сам не разделяю позицию завещателя в данном случае. Однако должен подчеркнуть, что в соответствии с российским законодательством такое завещание можно было бы оспорить, поскольку в отечественной юридической теории и практике наследовать что бы то ни было возможно исключительно абсолютно. То есть безотносительно к поставленным условиям, которые в подобных случаях признаются незаконными.

Действительно, – Леонид совершил элегантное движение ладонью, как если бы предлагал аудитории апельсин, – наряду с имущественными распоряжениями в завещании могут предусматриваться также распоряжения неимущественного характера, которые могут носить характер условий или завещательных возложений.

Хрестоматийный случай, иллюстрирующий данный аспект завещания, произошёл в самом начале двадцатого века. Один немецкий богач совершенно закономерно подозревал своих родственников в корыстном интересе. Поэтому он оговорил сумму, триста марок, ко-

тору они получают в том случае... – Резневский выдержал паузу, – если *не пойдут* за его гробом. Зная скупость своего почившего родственника, все решили получить хотя бы часть вознаграждения в виде упомянутой суммы. Между тем, в завещании немца указывалось, что его миллионное состояние должно быть поделено между теми, кто отказался от трёхсот марок и пошёл за гробом добровольно и с искренними сожалениями. Делить состояние не пришлось, поскольку похоронная процессия составила из одной старушки, которая в итоге и получила состояние целиком.

Студенты оживились и зашептались между собой, видимо, делясь предположениями, что они-то уж точно обнаружили бы подводный камень в данном завещании и присоединились к престарелой родственнице наследодателя.

– Один из отцов-основателей Соединённых Штатов, Томас Джефферсон, был более гуманен в постановке условий исполнения наследства, – Леонид повысил голос, чтобы вернуть внимание аудитории и продолжить свою мысль. – Согласно его воле, родственники получали возможность вступить в наследство только после того, как освободят всех своих рабов. Вот таким филантропом был третий американский президент.

– А не второй? – с сомнением переспросил Бакланов, сын депутата.

– Третий, Иван! – уверенно ответил ему Резневский. – Джефферсон изображён на двухдолларовой банкноте, но президент он третий!

Одногруппники Бакланова рассмеялись, а Леонид процитировал строку из песни Ёлки «он учит географию по визам в документах». Наступил полуминутный гомон, которому, впрочем, Резневский не дал разгореться.

– Современная отечественная нотариальная практика также нередко сталкивается с завещаниями, которые требуют от наследника в качестве условия наследования «выйти замуж», «получить высшее образование» или «бросить курить». Сразу оговоримся, что ограничение дееспособности наследника прямо запрещено гражданским кодексом, статья тридцатая. Поэтому требование такого ограничения

прав и свобод делает завещание недействительным. Однако тут же обратим особое внимание, что недействительным в этом случае завещание становится только в части поставленных условий – в части же завещанного наследства оно будет полностью законным.

– То есть, – раздался вопрос отважного студента с заднего ряда, – если бабушка завещает мне квартиру, если я брошу курить, то я в любом случае получу наследство?

– К сожалению, да! – шутливо признал преподаватель. – В данной ситуации квартира перейдёт в твою собственность, даже если ты не бросишь курить, не получишь высшего образования и не выйдешь замуж, Шатунов!

Аудитория засмеялась, но вопрошавший обиделся.

– Ваши слова можно расценить как публичное оскорбление! – заявил студент.

– Серьёзно? – парировал Резневский. – Ты обиделся, что я ограничил твоё право выходить замуж? Прости, пожалуйста! Мне показалось, это наименее вероятное событие из трёх. Но я не настаиваю.

– Зачем вы так со мной? – взаправду обиделся Шатунов.

– А ты зачем мою машину на прошлой неделе на стоянке заблокировал? – Леонид постарался перевести всё в шутку, оперируя действительно имевшим место инцидентом. Присутствующие развеселились от неожиданного перехода. – Голова-то должна быть на плечах: тебе же мне ещё зачёт сдавать, а ты меня в арбитраж задерживаешь!

Конфликт оказался исчерпан, и Резневский продолжил:

– Ладно, идём дальше. Вот ещё одна история, которая раскрывает другую важную черту судебных тяжб, связанных с завещаниями, – продолжительность процесса. Теоретически, если вскрываются новые и новые обстоятельства, уточнение документа для наиболее точного исполнения воли завещателя никак не ограничено во времени. По крайней мере, мы знаем пример того, как принятие окончательного решения по завещанию затянулось более чем на век!

Впечатлительная барышня не сдержалась и ахнула, а аудитория зашумела и пришла в движение.

– Если говорить более точно, – продолжил Резневский и подсмотрел в свои распечатки, – сто семнадцать лет – именно столько длились судебные тяжбы по завещанию самого богатого англичанина своего времени. Уильям Дженненс скончался ещё в 1798 году, а разбирательства по его наследству завершились лишь в 1915 году! В следующем году мы отпразднуем столетний юбилей окончания самого долгого судебного процесса по завещанию. Так что если хотите – можете выбрать данную тему для статьи в предстоящие чтения по гражданскому праву.

– У него было так много родственников? – выкрикнул баритон из гущи загудевших голосов.

– Напротив, – попытался перекричать студентов Резневский. – У него не было ни детей, ни жены. Ближайшим наследником оказался внучатый племянник, умерший в юности. Поэтому состояние в два миллиона фунтов пытались присвоить как совсем уж дальние родственники, так и откровенные авантюристы, дети лейтенанта Шмидта своего времени. В итоге, – резюмировал преподаватель, – судебное разбирательство окончилось в тот момент, когда предмет тяжбы – собственно наследство – было до последнего фунта потрачено на адвокатов и судебные издержки.

Собрание разразилось смехом.

– Если озвучить ещё некоторые забавные сведения о завещании, то вот вам краткая подборка интересных фактов. – Леонид обратился к распечатанным листам и стал зачитывать, выдерживая небольшие паузы между сообщениями. – Самое крупное в истории завещание принадлежало Генри Форду, на автомобилях марки которого многие из вас уже ездят, в то время как студенты менее престижных специальностях смогут накопить на них только лишь годам к тридцати. Так вот американец оставил полмиллиарда долларов различным учебным заведениям и благотворительным организациям.

Самое оригинальное завещание, безусловно, оставил английский писатель Роберт Льюис Стивенсон. Одна из его знакомых родилась в Рождество, двадцать пятого декабря. Поэтому зачастую её попросту забывали поздравить. Это всё равно, как если бы в России человек

родился первого января: все празднуют Новый год, никому нет дела до именинника. Так вот, желая сделать приятное, Стивенсон завещал бедной женщине... собственный день рождения! Приходился он у него на тринадцатое января. После смерти писателя суд, однако, не смог удовлетворить его последнюю волю, поскольку закономерно признал дату торжества не входящей в состав имущества завещателя. В соответствии с этим дни рождения нельзя ни дарить, ни продавать, ни завещать.

Далее. В некоторых случаях для расшифровки завещания требуется вмешательство специалиста. Так произошло, например, при оглашении завещания лаборанта физика Нильса Бора, в котором употреблялись многочисленные узкоспециальные термины в сочетании со сложными оборотами речи.

Впрочем, – выждав некоторое время, пока студенты успокоятся, Резневский стал подводить черту лекции, – не всегда завещание уточняет наследников и причитающееся им имущество. На пороге смерти человек задумывается о собственной душе и обо всём святом, что есть в его жизни. Писатель Хантер Томпсон завещал выпалить свой прах из пушки под песню Боба Дилана «Мистер Тамбурин Мэн». Данная просьба была выполнена, а залпом руководил, кстати, не кто иной, как Джонни Депп. А музыкант Боб Марли завещал положить в свой гроб Библию, любимую гитару, футбольный мяч и пакет марихуаны.

Студенты заулыбались и запереглядывались, хотя общий смысл не печального, но всё же философского пассажа был им понятен. Воспользовавшись умильной паузой – лучшим инструментом по пресечению ненужных вопросов в конце занятия, – Леонид весьма скоро подвёл черту изучаемой теме и в несколько предложений завершил лекцию. Студенты дружно зашумели, а преподаватель без лишних промедлений закинул бумаги в портфель, поблагодарил за внимание и отправился к выходу.

Едва Резневский со всеми распрощался и вышел в коридор, у него зазвонил телефон. Номер был незнакомый. Леонид пожал плечами, нажал на экране кнопку и приложил аппарат к уху.

– Алло!

– Добрый день! – прозвучал голос на том конце. – Леонид Михайлович?

– Да, он самый! – ответил Резневский. – Чем могу помочь?

– Меня зовут Никита Александрович Лепнин, – пояснил собеседник. – Я являюсь генеральным директором ЗАО «Высокоточмаш». Ваш номер мне дал Рубен Грантович. Надеюсь, я не слишком его подвёл, попросив Ваши контакты?

– Конечно! Пожалуйста! – с готовностью подтвердил Леонид. Рубен Грантович Абрикосов был крупнейшим адвокатом региона и наставником Резневского, которого он, собственно, и подменял на лекциях. Молодой человек понял, что Абрикосов подкинул ему хорошую работу, а человек, представившийся Лепниным, видимо, важная особа.

– У меня к вам очень простая и лаконичная просьба, – между тем, вещал голос в телефоне. – Мне вас отрекомендовали как высококлассного специалиста, поэтому мне неудобно просить вас об элементарной услуге, с которой бы справился любой нотариус. Однако моё обращение оправдывается деликатностью дела. Я хотел бы попросить вас оформить моё завещание. В нём не будет ничего особенного, но тем не менее я не хочу доверять данную процедуру специалисту, в котором не могу быть до конца уверен. Скажите, согласитесь ли вы помочь мне?

– Да, соглашусь! – утвердил Лепнина в своём решении Леонид. Попутно в его голове крутились мысли: «Ну ничего себе: только отчитал лекцию о завещании, как тебе сразу звонят по этому вопросу!» – Где бы мы могли встретиться? И когда Вам удобно?

Лепнин немного помолчал.

– Сейчас я нахожусь на лечении, – он решил признаться, – думаю, меня выпишут в выходные. Мы можем предварительно договориться на начало следующей недели. Я могу принять вас у себя на даче. Если хотите, вас привезёт и отвезёт мой водитель.

– О, нет, не стоит! – запротестовал Резневский. – Я на машине, мне не составит никакого труда к вам подъехать. Какой у вас адрес?

Леонид остановился у подоконника и, прижав телефон плечом к уху, достал из портфеля лист бумаги и авторучку, чтобы записать координаты.

– Косогорское шоссе, – начал диктовать Лепнин. Предчувствия Резневского по поводу богатого клиента подтвердились: Косогорское шоссе являлось престижным направлением, на котором селились преимущественно крупные бизнесмены или публичные лица. – Дом 147.

– Хорошо, – зафиксировал адрес адвокат. – Когда мне следует вам позвонить, чтобы подтвердить визит?

– Позвоните в пятницу днём, – в большей степени предположил, чем указал Лепнин.

– Я понял вас, Никита Александрович! – ответил стандартной формой Резневский. – Обязательно позвоню!

Собеседники обменялись требуемыми этикетом формальностями и распрощались. Резневский удовлетворённо кивнул сам себе и вышел из здания института.

Глава 9

Любовь Степановна заглянула в палату к супругу с корзиной мандаринов в руках – он их очень любил с самого детства. Причём не только в Новый год, но и вообще в любое время. Никита Александрович лежал в кровати и читал книгу, которую тут же отложил.

– Привет! – опередил он жену.

– Привет! – улыбнулась ему в ответ Любовь Степановна и вошла внутрь. – Как ты?

– Отлично! – бравурно ответил Лепнин и жестом пригласил супругу сесть к нему рядом на кровати. Несколько раз он поцеловал ей руки. – Всё просто замечательно! Ты вновь пришла, и это самое главное!

Любовь Степановна улыбнулась, как уставшая хозяйка, которой малые дети помогают слабыми ручонками раскатывать тесто.

– Я рада, что ты рад меня видеть! Тебе сегодня делали электрошок?

– Да, – с готовностью подтвердил Лепнин, – занятная, я тебе доложу, процедура! Когда через твой мозг пускают ток, начинаешь с доверием относиться к людям. Ведь в руках врача, безо всякого преувеличения, твоя жизнь. Стоит повысить напряжение, и тебя может убить током! Или вот уколы. Достаточно вместо кубика ввести десять...

– Угу, – буркнула Любовь Степановна и вздохнула, – значит, и уколы сегодня тоже делали...

Никита Александрович осёкся, но быстро взял себя в руки.

– Да, делали! – откровенно признался он. Для контрастступления он решил избрать тактику самоиронии и юмора, основанного на непредвзятом анализе собственного состояния. – Но вообще-то это медицинское учреждение, а я нахожусь на излечении. Поэтому прописанные процедуры – явление вполне нормальное. Знаешь, как некомфортно, когда во сне тебе каждую ночь является ущербный и асоциальный тип, от которого, я извиняюсь, воняет! И который норовит совершить очередную пакость прямо у тебя на глазах. Тут волеяневолей согласишься на атаку и электронов, и молекул на собственные нервные центры. Скажи спасибо, что я в данный момент не пускаю слюну на твоё шикарное платье, в котором ты выглядишь просто обворожительно!

Любовь Степановна не могла не улыбнуться. Она знала: когда муж бравирует, это означает только одно: дело – дрянь. Ему либо очень больно, либо невыносимо от еженощного ужаса. Либо врачи нашли что-то страшное и ему предстоит серьёзная операция. Однако его умение держаться в любых обстоятельствах и стойко встречать беду с открытым забралом вселяло в неё надежду и силы. К тому же какая женщина оставит без внимания комплимент, особенно удачный и тонкий. Никите Александровиче удалось обезоружить супругу, и она не выдержала:

– Ты знаешь, – после небольшой паузы неуверенно начала она, – я должна тебе кое в чём признаться.

Лепнин насторожился, но виду не подал. Любовь Степановна продолжила, не поднимая глаз:

– Я разделяю твои взгляды и сама не верю, но я всё-таки сходила к священнику!

По лицу Никиты Александровича угадывалось, что он ожидал услышать что угодно, но только не это. И признание жены не столько раздосадовало его – даже не так, оно вовсе его не расстроило, – сколько он попросту не был готов услышать то, что она произнесла. Так, наверное, дети признаются о разбитой чашке, когда родители проверяют их дневник: это не то, к чему они в данный момент готовы. И им совершенно не хочется даже ругать их из-за такого пустяка. Просто детская наивность выводит их из равновесия, так что приходится больше даже успокаивать, чем уверять, что разбитая чашка – пустяк.

– К священнику? – удивился Лепнин.

– Да, – кротко подтвердила Любовь Степановна. – Я знала, что ты не одобришь меня, но не могла поступить иначе! Ты, конечно, не удивишься, но он оказался типичным подстригателем овец: кроме подаяний, «жертв», как их там называют, и прочих подношений, его мало что волнует. Я решила рассказать тебя, чтобы не тяготить совесть. И ещё потому...

Она не успела договорить, как Никита Александрович перебил её:

– Да сходила – и сходила! Нашла, о чём переживать! Подтвердила на опыте то, что без вариантов выходило в теории!

Любовь Степановна осеклась, потому что не верила своим ушам. Она подумала, что ослышалась.

– Как, ты так просто реагируешь на это?

– Золотая моя, ну а как я должен реагировать на это? – искренне ответил Лепнин. – Я же не воинствующий атеист в первые годы советской власти! Если бы я был верующим, я бы сказал: да Бог с ним! Что мне эти «небесные материи»!

– Серьёзно? – удивилась Любовь Степановна. – Честно говоря, я переживала, как тебе рассказать. Особенно то, что он предложил приехать поговорить с тобой.

– Священник предложил приехать ко мне? – удивился на этот раз Лепнин. – Вот это действительно странно! Может, он ещё икону Пантелеймона Целителя передал?

Никита Александрович рассмеялся, но его супруга вмиг побелела и молча достала из сумочки подаренную отцом Дионисием икону святого. Лепнин осознал, что так всё и произошло, и поторопился объяснить всё разумно и доходчиво.

– Послушай меня, Любаш! – вкрадчиво начал он и взял жену за руку. – Со мной в команде работала верующая женщина, от неё я и узнал, кто за что отвечает. Тебя это не должно смущать! Это всё равно, как если бы я отправлялся куда-нибудь в Бангладеш, а он передал бы тебе икону Николая Чудотворца, покровителя путешественников. Или если бы подарил икону Богородицы Млекопитательнице тем, у кого не получается зачать. Видишь, я и такие тонкости знаю, поэтому тебя не должно смущать, что я предположил самый очевидный вариант.

Любовь Степановна смотрела мужу в глаза и ничего не отвечала.

– Я знаю, ты не из впечатлительных дам. Но данный случай, видимо, произвёл на тебя некоторое впечатление, вероятно, вследствие... моей ситуации, скажем так.

Супруга по-прежнему молчала.

– Если тебя это успокоит, я готов принять его. Пусть он приедет, и мы с ним пообщаемся. Я не хочу, чтобы случайное совпадение оставило в тебе ростки сомнений.

Услышав согласие на встречу со священником, Любовь Степановна, наконец, вышла из оцепенения.

– Да нет, – сказала она. – Если ты не хочешь, я не буду никого звать только для того, чтобы ты был спокоен, что спокойна я. Извини, что вообще затронула эту тему. Не знаю, чем я руководствовалась и почему всё это произошло...

Лепнин пожал плечами и заметил:

– Отчего же, пускай придёт! Мне даже интересно будет поговорить с ним. Я ведь, в сущности, ничего не знаю про это. По крайней мере, повышу уровень своего образования!

Лепнин задорно рассмеялся, и Любви Степановне от этого стало легче.

– Так ты действительно хочешь с ним увидеться? – уточнила она.

– Почему нет? – подтвердил Никита Александрович. – Я открыт разным граням человеческого опыта. Тем более если он сам высказался о возможности приехать, то – может быть, это прозвучит в разрезе с контекстом нашего диалога, но – чем чёрт не шутит!

– Ники-ита! – выдохнула Любовь Степановна, которая явно не ожидала такого речевого оборота.

– Прости-прости! – спохватился Никита Александрович и примирительно сжал руки супруги в своих. – Согласен, здесь я перешёл границу, впредь обязуюсь выбирать выражения. Особенно в присутствии служителей культа, за это можешь не беспокоиться! Впрочем, давай поговорим о чём-нибудь другом. Мы так редко встречаемся, что мне это напоминает мои командировки в первые годы после студенчества!

Никита Александрович и Любовь Степановна ещё некоторое время сидели, держась за руки. Они вспоминали отдых в Армении почти сорок лет назад, когда решили завести ребёнка, и прошлогодние каникулы на Крите, во время которых их сын Андрей объявил, что они в четвёртый раз станут дедушкой с бабушкой. Подчас обрывочные факты, сиюминутные мемуары приходили им в голову. Лепнин вспомнил, как испачкал рубашку перед презентацией первого важного проекта своего бюро, и удивился, насколько *тогда* это казалось важным. Любви Степановне в очередной раз пришло на ум кольцо, которое за бешеные деньги Никита Александрович заказывал у частного ювелира под страхом изгнания из комсомола.

– Как странно... – отметил Лепнин. – Это было так важно, даже опасно, но мы жертвовали многими вещами не задумываясь. А сегодня многое представляется, как родителям в детском саду: признания – наивными, опасениями – надуманными. Может быть, спустя годы мы становимся родителями самим себе? И всё продолжаем куда-то расти? Мне, например, всё чаще кажется, что старость – своего рода

дежурство в детском лагере: мы вскоре ненадолго расстанемся, чтобы снова соединиться и больше никогда не расставаться!

– Ну, это ты уже чересчур, кажется! – нахмурилась Любовь Степановна. – Надеюсь, ты не собрался завещание оставлять?

На этот раз Никита Александрович на мгновение потерял дар речи, поскольку его супруга попала в точку.

– Вообще-то именно это я и собирался сделать, – после некомфортной паузы осторожно начал он, – поскольку считаю, что зрелый и ответственный человек должен сформулировать свою последнюю волю, находясь в здравом уме и... какой там говорят, памяти? Одним словом, в сознании! – поторопился закончить мысль Лепнин, потому что упоминание памяти, по его мнению, могло проассоциироваться у супруги с выражением «вечная память».

– То есть пока я ходила к священнику, ты вызвал к себе юриста? – попыталась расставить все точки над “i” Любовь Степановна.

– Да, именно вызвал, потому что мы ещё не встречались, а только договорились о встрече, – серьёзным тоном заметил Лепнин. – Надеюсь, я не слишком расстроил тебя этим заявлением. В конце концов лучше сразу всё прояснить, чтобы не волноваться, как бы принадлежащее по праву семье не отошло государству или посторонним лицам. В этом, мне кажется, и заключается ответственность перед родными и близкими.

– Да, ты прав! – поспешила согласиться Любовь Степановна. Она прекрасно понимала, что муж делает всё правильно, стараясь заглянуть в обозримое будущее. Собственно, как и всегда. – Наверное, мне просто нелегко смириться с тем, что наступило время, когда мы задумываемся о таких вещах всерьёз...

– Да брось! – Никита Александрович с нежностью сжал супруге руку. – Я знаю человека, который ежегодно, в один и тот же определённый день, обновляет своё завещание. А первое он составил и заверил ещё до тридцати! Так что по большей части это вопрос отношения. К тому же как признание болезни есть первый шаг к выздоровлению, так и здоровое отношение к себе говорит о благоразумии и силе. Да, все мы смертны. Но о готовности дышать полной грудью сви-

детельствует, скорее, составление завещания, нежели истерика и желание всё нажитое унести с собой могилу! Ты должна радоваться, что, поскольку я взвешенно отношусь к своему здоровью и судьбе своих родственников, значит – я ещё на коне! Значит, я ещё в силах! Давай лучше радоваться тому, что у нас есть. Счастье не в том, чтобы ворочать миллионами, а в том, чтобы уметь распорядиться ста тысячами во благо себе и своим любимым!

Любовь Степановна пожевала губами.

– Ты ведь уже договорился о встрече, – предположила она, – стало быть, твоё решение мне изменить не под силу. В любом случае, в общем и целом я согласна с тобой! Поэтому не будем попусту тратить слова и время. Значит, завтра к тебе сюда приедет священник. А нотариус?

– Не нотариус, а адвокат! – поправил её супруг. – Такие вещи нужно доверять профессионалам. С ним я договорился о встрече в начале следующей недели. Он приедет к нам на дачу.

– Ну вот и отлично! – подвела черту Любовь Степановна, тем более что в дверях показалась медсестра, которая должна была отвести Лепнина на массаж. Никита Александрович нежно поцеловал жену. Вместе они вышли из палаты, и здесь их пути разошлись. На прощание они обменялись воздушными поцелуями и улыбнулись в точности так же, как и сорок лет назад.

Глава 10

Удивительно, но вокруг сидящего в кресле Дэниса кружились две очаровательные девушки, вполне цивилизованные и опрятно одетые и даже не без роскошества. Одна из них пудрила кисточкой лицо старика, в то время как вторая поправляла на нём белую майку. В это было сложно поверить, но Дэниса готовили к съёмкам! Причём в процессе подготовки он весьма довольным и даже шутливым тоном рассуждал по-английски о самых разных вещах, так что в его настроении никак нельзя было угадать ни уныния, ни усталости от жизни.

Интереснее же всего было то, что Дэниса пудрили, укладывали ему бороду и поправляли одежду, хотя он казался всё тем же бомжом,

каким его застали горе-покупатели в заброшенном доме. Между тем, персонал вокруг не обращал на данное обстоятельство никакого внимания. Все были заняты своим делом: операторы глядели на маленькие экраны, световики настраивали оборудование, остальные рассчитали площадки, раскладывали реквизит, настраивали воздушную пушку, чтобы она вовремя пустила мусор и пыль в кадр перед бездомным. Одним словом, команда трудилась и теперь началась съёмка, ради которой и затевались все приготовления.

Режиссёр закомандовал громче и жёстче обычного, разогнал всех с площадки, и на пяточке в десять квадратных метров у старой кирпичной стены остался один-единственный Дэнис. Он сидел на картонке, но при этом ел палочками роллы и пялился в смартфон. Появившийся в кадре агент в деловом костюме передал Дэнису пачку долларовых банкнот, которые тот небрежно сунул в карман, а дарителя чуть ли не прогнал. Голос на периферии, очевидно, нужный для синхронизации съёмки, провозгласил густо, как если бы Хабенский, только по-английски, призывал пожертвовать на голодающих детей Африки:

– Такими нам представляются бездомные люди. А так...

В этот момент заработала воздушная пушка, и на Дэниса полетел мусор, специально собранный в ведро и теперь разбрасывавшийся перед вентилятором.

– ... живут обездоленные по соседству с нами в действительности. Фонд помощи людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации без крова и средств к существованию. Не проходи мимо!

– Отлично! – воскликнул режиссёр, особенно когда в заключительном кадре засаленная бумажка из-под гамбургера застряла между воротником рубашки Дэниса и его бородой. Ролик должен был получиться на славу, поэтому все стали подходить к звезде постановки, жать руку и поздравлять с успехом. В этот момент на передний план вышел незнакомый мужчина жуликоватой наружности, который отчётливо произнёс на камеру:

– Так бы ты хотел представлять себе своего двойника. А так он проводит своё время в действительности.

И мужчина повернулся и с размаху ударил Дэниса между ног. Старик схватился за пах и моментально рухнул, попутно громко ударившись щекой о тротуар.

Лепнин с криком проснулся и неожиданно уткнулся своим лицом в лицо нападавшего. Не задумываясь, он занёс кулак и со всей силы зарядил противнику в нос. Тот отшатнулся и свалился на пол. И только теперь Никита Александрович осознал, что его жертвой оказался не кто иной, как санитар, попавший под раздачу в тот самый момент, когда Лепнин очнулся от кошмара. Но вместо того, чтобы извиниться, пациент бросился к лежащему и стал теревить его за ворот спец-одежды:

– Мне нужно срочно заснуть! Его там могут избить до смерти!

Санитар, между тем, уже вызвал подкрепление по маленькой рации, которая была у каждого сотрудника клиники как раз на форс-мажорный случай. И теперь в коридоре отчётливо слышался топот бегущих на подмогу. Дверь с размаху открылась, и в палату ворвались несколько крупных мужчин.

– Сюда! Скорее! – призвал Никита Александрович, и это заставило вбежавших заметно опешить, поскольку фраза, в общем-то, противоречила позе Лепнина, который продолжал держать санитаря за грудки. Из носа у того продолжала течь кровь. – Мне нужно срочно заснуть! Мне нужно срочно заснуть!

– Как скажешь, дорогой ты наш! Как скажешь! – сообразил один из мужчин, пока остальные расцепляли Никиту Александровича и побитого коллегу. – Потерпи секунду! Сейчас мы сделаем тебе укол, и ты снова уснёшь!

Лепнина, действительно, уложили на постель, весьма нежно и деликатно для случившихся обстоятельств ввели иглу в вену и впустили в кровь прозрачное содержимое шприца. Никита Александрович попытался повторить свой призыв как можно скорее отправить его вновь в царство Морфея, но вместо слов из его рта потекло невнятное бормотание. Он безвольно закатил глаза и беспомощно распластался на кровати. Сначала ему показалось, что прямо перед ним кто-то смеётся. Но, вновь обретя возможность видеть, он заметил перед собой

окровавленного Дэниса, лежащего на носилках скорой помощи. Могло показаться, что он и впрямь смеётся. Однако на самом деле он кашлял и никак не мог остановиться.

Судя по всему, будучи в течение нескольких минут бодрствующим, Лепнин пропустил основную часть истории Дэниса и вернулся в тот момент, когда его уже привезли в приёмное отделение. На месте лица у двойника были лишь кровоточащие гематомы. Сам он был весь испачкан и потрёпан. По всей видимости, его хорошенько прокатили по асфальту, прежде чем устали пинать ботинками. Левая рука Дэниса не двигалась вовсе и, вероятно, была сломана. А правой хоть он водил из стороны в сторону, но пальцы на ней были сложены совершенно противоестественным по форме веером и также, скорее всего, нуждались в починке.

Дэниса осторожно переложили с носилок на тележку на колёсиках и повезли в операционную. Там ему вставили в вену катетер, через который потекла эмульсия молочного цвета. Взгляд Дэниса, и без того туманный, стал потухать. Но напоследок он пристально посмотрел на Лепнина, который, кажется, воплотился в объектив кинокамеры, которая крупным планом снимала пострадавшего, и заплетающимся языком спросил:

– Ну что, брат? Теперь ты тоже в больничке?

Санитары переглянулись, пытаясь предположить, к кому из них обращается Лепнин. Но его бормотанию не удивились, как если бы оно адресовалось лицу, отстоявшему от говорившего за тысячи километров, а может – и за гранью известного нам мира. Аккуратно уложили его в больничной койке, поправили подушку и накрыли одеялом. Пострадавший от плотного удара Лепнина, весьма мощного, кстати, для его возраста, – оправился от случившегося, уже встал на ноги и останавливал кровотечение дезинфицирующими салфетками.

– Ягуар хренов! – наконец, изрёк он, имея в виду, одноимённый фильм с Жаном Рено, в котором в мужчину вселяется дух ягуара, позволяющий сбивать с ног самых массивных противников.

Санитары дружно рассмеялись. Видимо, они недавно обсуждали эту ленту, поэтому отлично поняли контекст.

– Ягуар в отключке! – развил шутку другой, поднеся ко рту рацию, но не нажимая кнопку вызова.

Мужчины, включая раненого, загоготали. Несмотря на инцидент, запись в дежурном журнале все пошла делать в приподнятом настроении. Хищник был повержен и лежал обезвреженным трофеем. К тому же за каждый разбитый нос Флоровский лично выплачивал пострадавшему премию...

Глава 11

В начале одиннадцатого отец Дионисий уже подъезжал к клинике. Поздний вчерашний звонок от Любови Степановны со смиренной просьбой приехать к её супругу несколько его не удивил. После службы он, как это нередко случалось, сел в машину и поехал исполнять очередную потребу. Но вот только место назначения – психиатрическая лечебница – было весьма нетривиальным. На веку священника случались и буйнопомешанные, из которых его просили изгнать бесов, и припадочные. И явно нездоровые психически бабульки, которым мерещились кругом незваные и не желавшие уходить гости и которых они выгоняли посредством десятка кошек. Однако нынешний случай был особенным.

Священник слышал о Лепнине и представлял его человеком аналитического склада ума, не допускавшего различного рода «вымыслов» и «идей» и всю жизнь работавшего по схеме, назвать которую правильнее всего можно было бы здравым рассудком. Отец Дионисий знал многих людей схожего склада, но они либо отдавали религии дань уважения как традиции, либо воспринимали её как условность и суеверие. Либо пытались познакомиться, как занятый микробиолог знакомится на досуге с живописью – три раза в неделю после ужина. Лепнин, судя по всему, не относился ни к одной из указанных групп.

Исходя из того, что отец Дионисий слышал о нём, Никита Александрович не обращал внимания на религию как на объект своего интереса в принципе, вовсе. Примерно так, наверное, не интересуется микробиологией увлечённый живописец. Только вместо мастерской у

Лепнина был десяток успешных проектов, вместо кисти – коммерческая хватка, а взамен вдохновения был встроены исключительно трезвый и взвешенный расчёт.

Ворота оказались открыты, и иерей въехал на территорию лечебницы. У нужного корпуса священник припарковался и вышел, захватив с собой объёмный чемодан, напоминавший больше переносной сундук или ларь. Бордовый подрясник отца Дионисия привлекал к себе взгляды окружающих, но никакого смущения его владелец по этому поводу не испытывал и уверенно шагал ко входу в здание.

Внутри священник поздоровался с охранником на вахте и спросил, как ему найти палату Лепнина. Оказавшая рядом медсестра вызвалась проводить необычного гостя и, пройдя по коридору к нужной двери, отворила её и предварила появление церковного служителя.

– Здравствуйте! – весело и с детским огоньком в глазах поздоровался отец Дионисий. Никита Александрович встал с постели, на которой до этого сидел в ожидании встречи, и направился к иерею.

– Здравствуйте! – ответил он и столь же любезно улыбнулся. – Рад вас видеть!

– Взаимно! – они пожали друг другу руки.

Ещё некоторое время продолжалась светская часть приветствия, которая плавна перетекла в обсуждение погоды, последних новостей и некоторых отвлечённых материй. Наконец, подобрались к истории болезни. Никита Александрович посетовал на то, что упекли его сюда, в общем-то, по настоянию жены. Что, если бы он не хотел её этим успокоить, то и не подумал бы лечь в больницу. Отец Дионисий согласился со сказанным. Но вместе с тем отметил, что за здоровьем, во всех его аспектах, следить необходимо и что любое обследование и терапия не пойдут во вред. Лепнин согласился в ответ, и подобающая случаю дипломатическая составляющая оказалась выдержана.

– Я слышал, – осторожно начал священник, – ваш, скажем так, ночной брат при смерти...

Никита Александрович помедлил.

– Вы знаете, я даже рад, что Люба всё вам рассказала. Вы можете удивиться, но лично я не вижу в моей истории ничего странного. Я не

знаю, почему я вижу во сне своего двойника, который ведёт самую настоящую скотскую жизнь, но это даёт мне силы не сдаваться под бременем обстоятельств. И всегда давало! Не знаю, как можно назвать причину такой... – он подобрал слово, – аномалии – Бог ли, глубины человеческого сознания или неведомое демоническое наваждение... Но я не жалею о том, что я вижу себя таким, каким бы я мог быть!

Да, – продолжил Лепнин после паузы, – Дэнис, так зовут моего «двойника», сейчас не то чтобы при смерти, но в силу возраста, образа жизни и здоровья, совершенно очевидно, долго не протянет. Опять же – я не знаю, как скажется *на мне* его смерть. Однако мне кажется, я это переживу!

Никита Александрович даже рассмеялся, видимо, подчёркивая стабильность своего состояния, за которое врачи и близкие переживают, по большому счёту, зря.

– Сказать по правде, я так и думал! – признался священник. – Мне почему-то сразу показалось, даже из рассказа Любви Степановны, что вы человек рассудительный и волевой. Подобных людей я встречал в своей жизни немало. Но все они, к сожалению, готовы биться лбом в стену, доказывая, что учение, не являющееся частью их опыта, является ложным или откровенно шарлатанским. Я даже разговаривал с одним академиком, заслуженным физиком, так вот в нём желание опровергнуть догматы, кажется, превышало любопытство в познании вселенной. Вы же, я так понимаю, не имеете привычки судить о чём-либо, пока не узнали или не столкнулись с этим?

Лепнин на секунду задумался.

– Хм, может быть и так! – согласился в итоге он или же дал возможность себя убедить. – Просто, когда я рассказываю близким о том, что со мной происходит, все они наперебой предлагают свои версии, как будто каждый день сталкиваются с подобными проблемами. Один только Флоровский, доктор в этой клинике, – Лепнин обвёл рукой всё окружающее, – мыслит наиболее адекватно. Если не сталкивался с такими же случаями в своей практике – так и говорит: не сталкивался! Если не знает точно, чем объяснить, – так и призна-

ётся: не могу ответить на этот вопрос! Или: это всего лишь моя интерпретация. За это я его уважаю. Вообще уважаю *конкретных* людей! Девяностые придали данному определению тёмный окрас, но, по сути, способность не растекаться мыслию по древу, а конкретно мыслить и излагать – самый верный признак интеллекта. Может быть, я потому и лёг сюда, что мне импонирует подход Флоровского. А как, кстати, церковь относится к подобным явлениям? Давно хотел спросить! – не удержался Никита Александрович.

– Боюсь, позиция церкви может вам не понравиться, – предупредил отец Дионисий. – Православие отчасти унаследовало от древних греков представление о том, что сон и смерть – родные братья. В греческом пантеоне Гипнос и Танатос, действительно, были родными братьями, сыновьями Ночи, Нюкты. Христианскому мировоззрению также не чужда идея, что во сне человек открывается для тонкого мира, мира тёмного и демонического. Некоторые святые отцы и вовсе призывают не запоминать и не размышлять о снах, так как те, по их мнению, не несут в себе ничего хорошего. Ничто в них не от Бога, считают они. Не столь радикальные писатели, тем не менее, тоже говорят, что во сне могут активно действовать бесы-искусители, цель которых – сманить и склонить человека к греху.

Один популярный сегодня в церковных кругах писатель, игумен в монастыре, рассказывал, что во сне дух Гоголя – по крайней мере, так он сам ему представлялся – призывал его покончить с собой. Ученику католического святого Франциска Ассизского являлся дьявол в облике Христа и увещевал бросить молитвы и пост, так как они уже не спасут его от геенны. Франциск предположил, что Христос вряд ли смог бы сказать такое, и призвал ученика в следующем сне помочиться на лжехриста.

Одним словом, в целом, в христианстве отношение к снам, мягко скажем, осторожное и неоднозначное. По крайней мере, настороженное уж точно. Однако я не могу припомнить ни одного случая в церковной истории, чтобы некий двойник являлся человеку во сне на протяжении сорока лет. Тем более что, я так понимаю, он вас не искушает и не призывает ни к чему плохому. Даже наоборот – вы моти-

вируете себя на новые свершения, глядя на моральную, творческую и карьерную гибель своего alter ego.

– Да, всё верно! – несколько раз кивнул в знак полного согласия Лепнин.

– Я поговорил со своими знакомыми священниками, – продолжил Дионисий, – но никто из них не смог припомнить похожего случая. Если вам будет интересно, я могу поставить вопрос перед архиереем на ближайшем епархиальном собрании...

– Не стоит! – поторопился отказаться Никита Александрович.

– ...в целом, у меня может быть примерно такой же ответ: в церковной литературе вопрос освещён недостаточно для однозначной оценки и ответить на него мы можем, собрав консилиум. Извиняюсь за медицинский термин, – немного смутился священник.

– Ничего страшного! – улыбнулся Лепнин. – Знаете, вы мне сейчас отчего-то, несмотря на одеяние и внешний вид в целом, и слог речи, – напомнили юриста. Не в смысле казуистики, а... в хорошем смысле! – нашёлся он. – Вы, как и Флоровский, рассуждаете конкретно, что, мне кажется, весьма затруднительно в вашей области.

– Отнюдь! – поторопился опровергнуть данное предположение отец Дионисий. – Христианский подвиг сродни атлетизму. Можно поднимать камни на гору, чтобы стать сильным. А можно трудиться системно, чтобы развиваться гармонично. Только вместо гирь и гантелей у нас молитвы, посты и глубокий самоанализ. Христианство вообще – очень конкретное учение, прямо как вы любите. Проблема в том, что его обширность и многослойность открывают простор для суеверных людей, которые совершенно в казуистическом духе, как вы выразились, переливают догматы в гороскопы или приметы!

– О, да! – горячо согласился Никита Александрович. – Мне стыдно признаться, но если бы моя супруга слышала наш разговор, то обязательно объяснила бы мой случай тем, что мой заместитель пролил мне на новую рубашку кофе, который размешал левой рукой. Ну или прочей чепухой, в которую многие почему-то верят гораздо охотнее, чем в статистику проливания кофе на новые рубашки.

– А мне стыдно признаться, – откровенностью на откровенность ответил священник, – что даже среди церковных людей, в том числе у меня в приходе, суеверие сродни лихорадке или поветрию. Передать свечу через левое плечо считается большим грехом, в то время как отказ от стирки в праздник – признаком благочестия. Иногда складывается такое ощущение, что людям настолько тягостна свобода мышления, что они добровольно ищут ярмо, которое смогли бы нацепить себе на шею.

– Почему же именно суеверие, интересно? – спросил Никита Александрович.

– Потому что с ним всё очень просто. Закономерности могут плодиться буквально в процессе объяснения непонятного, а их интерпретации позволяют оправдать всё что угодно! Не сделал задуманное? Это потому, что кошка перебежала! – привёл пример отец Дионисий. – Поссорился с родственником? С утра встретил соседа с пустым ведром. Ну и так далее до бесконечности. Перекладывая ответственность с самого себя на обстоятельства – очень удобно для людей, которые привыкли себя жалеть и оправдывать. Но главный довод всех суеверных и верящих в гороскопы – «вы просто этого не пробовали, но *всё это работает!*». С такими людьми очень сложно разговаривать. Это как с алкоголиками – они могут признать факт зависимости, только прекратив пить. Но так как они этого не делают, то и признавать им, получается, как бы нечего.

Разговор разгорался, как осенний костёр. Никита Александрович и отец Дионисий настолько увлеклись, что прервала их уже медсестра, которая пригласила пациента на обед и напомнила о прописанных таблетках. Но и после этого собеседники задержались ещё на полчаса. В итоге они успели обсудить последние события в церкви и инженерии, поговорили о религиозоведческих концепциях и бизнес-моделях и даже подискутировали об автомобилях. Одним словом, к концу встречи оба смотрели друг на друга как на старого приятеля и были безусловно довольны представившимся случаем поговорить.

Лепнин поблагодарил священника за то, что тот нашёл время придти его поддержать. Отец Дионисий, в свою очередь, пожелал вы-

здоровления и пообещал молиться за Никиту Александровича, его супругу и детей. Простились совершенными друзьями, но, впрочем, откровенно признали, что случай вряд ли сведёт их снова вместе.

– На всё воля Божья! – философски заметил отец Дионисий.

– Будет день – будет пища! – подтвердил Лепнин.

И, скрепив знакомство рукопожатием, продолжавшимся секундой дольше положенного простым этикетом, мужчины простились и разошлись по своим делам.

Глава 12

– Алло, это Аграфена?

На том конце раздался густой женский голос:

– Да, слушаю вас!

– Здравствуйте! Я звоню вам по объявлению... – Любовь Степановна чуть замешкалась в поисках цитаты. – «Наследственная целительница. Снятие и наведение порчи, решение...». Но нет, решение супружеских проблем и лечение алкоголизма не нужно, а вот порча...

– Снять? Навести? – бойко перебила её Аграфена. – Фотография есть?

Любовь Степановна и так чувствовала себя неуверенно, а от такого напора и вовсе растерялась.

– Снять! – помедлила она и всё-таки произнесла это слово. – Фотография кого? Мужа?

– Если снять с мужа, – разъяснила знахарка, как будто речь шла о простом рецепте пирога, – то фотография его и того, кто навёл. У меня вся неделя забита, смогу вас принять если только... – зашелестели страницы, – в субботу в девять вечера.

– А пораньше нельзя? – осторожно уточнила Любовь Степановна, имея в виду: пораньше – то есть сегодня.

– Можете приехать к восьми, но придётся подождать! – отрезала целительница.

Лепнина не стала спорить и обещала приехать. Целительница напомнила, чтобы та захватила с собой деньги, и повесила трубку.

Самое сложное было даже не в том, чтобы найти правдоподобный предлог на субботний вечер. Никита Александрович лежал в клинике, так что исчезнуть из дома можно было хоть на всю ночь — не проблема. Любовь Степановна не то, чтобы не привыкла делать что-либо за спиной у мужа. Она и с подготовкой подарка ко дню рождения справлялась плохо: то подумает, что он всё узнал, и затушует, то еле сдерживает себя, чтобы не рассказать. А тут совсем иное! За спиной у супруга провернуть — да страшно сказать, на самом деле — снятие порчи, в которую он ни единой пядью своего ума никогда не верил!

У Любви Степановны было полное ощущение, что она заготавливала преступление. Так, должно быть, чувствовал себя Брут перед покушением на Цезаря. Да, сравнение, может быть, неуместное. Но предательство в некотором смысле не лучше убийства. Одно дело — убить, пускай и родного человека, из корыстных или властолюбивых побуждений. И совсем другое — предать самого близкого, самого любимого и дорогого. Хорошо, пусть не самогó человека, а его идеалы и убеждения. И пусть замышленный заговор во имя любви и готовился, но Любви Степановне легче от этого не было.

Между тем, она никак не могла дождаться означенного срока, и в субботу уже с утра была, как на иголках. Не укрылось это и от Никиты Александровича, которого она приехала навестить после обеда. На вопрос о причине её беспокойства Любовь Степановна ответила уклончиво, сказала, что плохо себя чувствует, а в целом — просто переживает за его состояние. Лепнин, кажется, таким объяснением удовлетворился. По крайней мере, в продолжение их встречи к нервному состоянию супруги больше не возвращался. Напротив, вёл себя бодро и весело, как будто и не было ночного приступа, о котором ни он, ни персонал клиники Любви Степановне не упоминали.

Приступ же случился серьёзный. Посреди ночи даже вызвали Флоровского, который лично просидел с Лепниным до утра. Никита Александрович разве что не бился в истерике, настолько он боялся заснуть, и в то же время безумно хотел наконец-то выспаться, а не дремать урывками до наступления той стадии, когда начинаются сны.

Состояние пациента и его сонного двойника будто бы ухудшалось параллельно, синхронно. Только вот если Дэнис сам объявил о своей участи – скорой смерти, то Лепнина до смерти пугала одна мысль о том, что трагическая кончина его alter ego от сердечного приступа, отказа почек или просто попадания под колёса в одурманенном состоянии... что эта кончина могла стать причиной его собственной смерти.

Лепнин испытал настоящий шок, когда впервые ощутил *реальность* смерти. Конечно, он был взрослым человеком и понимал, что рано или поздно всех нас ждёт один итог. Но одно дело знать, а другое – столкнуться лицом к лицу. Прошлой ночью Никита Александрович столкнулся... Весь день он мучительно размышлял, рассказать ли всё жене или утаить. Но теперь, когда увидел её рассеянную, хоть и внимательную, решил ничего не говорить.

Сказать по правде, Никите Александровичу оставить всё в тайне было проще по одной банальной причине. С утра у него буквально раскалывалась голова, и Флоровский вколол ему сильнодействующий раствор. Боль понемногу ушла, но вместе с тем появилась ватность и заторможенность. Когда Эрнест Максимилианович спросил у пациента, как тот себя чувствует, Лепнин подобрал вполне отвечающую его ощущениям характеристику: как в киселе.

В свою очередь Любовь Степановна, пожалуй, стала перегорать. Она так много думала о намечавшейся поездке, так мало спала и столь сильно изводила себя, что сейчас чувствовала себя измотанной и измождённой. При этом сил у неё, напротив, было больше обычного. Такой прилив энергии бывает, когда ты в горячке посвящаешь себя одному-единственному делу и не замечаешь времени.

Если бы супруги хотя бы подозревали о том, что происходит в головах друг друга в тот момент, когда они улыбались и держались за руки, то, скорее всего, эти руки бы разъединили с холодностью, делая вид, что просто устали их скреплять. Лепнин, вероятно, задумался бы о том, что, выражаясь языком Канта, две вещи в себе не пересеклись и не создали пространства для мира феноменального. Любовь Степановна, надо полагать, задумалась бы о поездке вдвоём на отдых, ко-

гда всё это наконец завершиться. Ведь когда-нибудь всё это должно закончиться!

В реальном разговоре, между тем, возникла неловкая пауза. Поговорили о погоде, о детях. Уточнили наличие гранатового сока. Обсудили срок годности йогуртов и творожков и, наконец, решили прощаться. Любовь Степановна поцеловала супруга в губы и лоб, он прижал к груди её руку и, подержав немного, горячо поцеловал её.

– До завтра! – почти вопросительным тоном произнёс Никита Александрович.

– До завтра! – последовал ответ, и они расстались.

Из клиники Любовь Александровна поехала сразу к знахарке. Предприятие было странным, поспешным, неоправданным, ненадёжным и в высшей степени заслуживающим презрения. Лепнина оправдывала себя тем, что у неё не оставалось больше вариантов помочь мужу. Научная медицина, рассуждала она, видимых результатов не приносила. Основной религиозный институт проявил себя как откровенное шарлатанство. И к шарлатанству, которое по идее должно было быть ещё более откровенным, вот теперь она и оказалась вынуждена обратиться! Кто посмеет обвинить её в этом?

Да, колдовство. Да, магия. Да, все говорят, что это наиболее эффективный вид вымогательства! Но разве можно жалеть денег, когда дело дошло до здоровья и жизни любимого человека! К тому же, продолжала размышлять и успокаивать себя Любовь Степановна, нельзя судить о знахарстве, не имея о нём никакого представления! Ведь столько веков люди обращались ко всякого рода чарам, и работало. Почему не попробовать теперь, когда не остаётся надежды на иное...

Примерно в таком ключе развивались мысли Любви Степановны, когда она подъехала к особняку ведуньи. Дворцом её дом назвать было нельзя, однако и другого слова не подберёшь – именно что особняк! Каменный двухэтажный дом затаился в самом центре города так, что с оживлённых улиц найти его оказалось не так просто. Во всех шестнадцати окнах горел свет, но не яркий, а приглушённый. На втором этаже в одном из окон колыхнулась шторка. Любовь Степа-

новна успела разглядеть господина в клетчатом пиджаке, который осмотрел подъехавший экипаж и улицу окрест и снова закрылся от мира. Но посетительнице нужно было на первый этаж. Она поднялась по четырём ступеням к железной двери и нажала кнопку звонка. Раздался недовольный кошачий визг, и спустя секунду дверь отворилась.

Внутри оказалось темно, как в гробу. По крайней мере, так было первое время, пока глаза привыкали к густому мраку. Вскоре стал заметен еле освещённый контур другой двери. Любовь Степановна осторожно проследовала к ней, потянула на себя деревянную ручку. Раздался неприятный скрип, и вместе с ним на пол прихожей упал тонкий золотистый прямоугольник. Гостья перешагнула порог и вошла в просторную комнату, в которой стоял длинный стол с несколькими подсвечниками. Всё вокруг было заставлено старинными гардеробами, диванами, стульями и даже сундуками.

Часы показывали четверть восьмого. Любовь Степановна шёпотом спросила, есть ли кто в доме. Ответа не последовало. Зато через минуту из внутренних покоев показался худощавый юноша в тёмно-синем жилете. Бледное лицо вошедшего огляделось вокруг так стремительно, как ворон поворачивает голову.

– Аграфена ожидает вас! – объявил юноша и моментально растворился в пространстве. Разве что дверная занавеска колыхнулась в память об исчезнувшем.

Любовь Степановна вся загорелась и бросилась догонять молодого человека. Однако того и след простыл. В следующей комнате обнаружилась сама Аграфена, собственной персоной. На её красном лице можно было прочесть увлечение настойками и богатый жизненный опыт, а в глазах горел неподдельный и ужасающий огонь. Сердце у гостьи забилося в два раза чаще. Любовь Степановна застыла в дверях в ожидании приказания.

– Знаю тебя насквозь! – громко объявила целительница. – Мужа любишь больше жизни, а он в беде. Идти ко мне стеснялась, думала, чепуха и сребролюбие. До сих пор так думаешь. Как помочь не знаешь, причины не ведаешь. Со всех сторон заблудилась, помощь нужна, верно я говорю?

Поскольку заключительную часть фразы знахарка произнесла громко и с вызовом, Любовь Степановна тут же призналась:

– Верно!

Аграфена перемешивала в руках карты. На столе перед ней лежала затёртая до дыр Библия и ещё пара ветхих книг. Горели свечи и дымилась опьяняющая смола. Знахарка отложила колоду, сделала глоток рубиново-красного вина из хрустального рога, хранившегося на специальной серебряной подставке. Кольца на руке засверкали драгоценными камнями.

– Садись и расскажи всё, что знаешь! – приказала Аграфена.

Любовь Степановна села перед ней на стул и начала историю. Целительница иногда перебивала её вопросами, получала ответ и внимательно слушала дальше. Рассказ госты несколько её, кажется, не удивлял. Создавалось ощущение, что с подобными проблемами к ней обращаются по несколько раз на дню. Лепнину это вдохновило. Она продолжила снабжать знахарку сведениями, припоминая всё новые и новые детали, которые теперь вдруг показались ей очень важными. Аграфена дослушала историю и сосредоточенно стала тасовать карточную колоду.

– Какого числа день рождения? – неожиданно спросила она.

– У кого? – опешила Любовь Степановна. – У меня или у мужа?

– У мужа! – недовольно объявила целительница. – Всё, что спрашиваю, про него спрашиваю!

– Шестого июля... – полушёпотом произнесла гостыя.

Знахарка перетасовала колоду, вытащила из неё карту наобум и бросила её на стол прямо перед Лепниной. Карта оказалось шестёркой треф.

– Этого я и боялась! – гневно выпалила Аграфена. Любовь Степановна схватилась за сердце. – Крести – это беда! На его день рождения сглазили! Тогда, давно! Кто это могла быть?

Целительница просверлила гостыю тяжёлым взглядом.

– Это женщина? – уточнила Лепнина.

– Женщина! – воскликнула Аграфена и бросила на стол бубновую даму. – Женщина. Но не любовь их связывает, иначе была бы чер-

вонной... Бубны... Подскажи мне, кто это? Чувствую теплоту, быть может, дружбу или другой союз...

– Лидия Николаевна? – осторожно предположила гостя.

– Кто это? – нетерпеливо спросила Аграфена.

– Коллега мужа по институту, – пояснила Любовь Степановна. – Они вместе начинали работать в бюро. Всегда завидовала ему. Сама пробивного характера не имела, только и могла – пристраиваться к грантам и отчёты мастерить.

– Могла она тогда, тридцать лет назад, на день рождения ему подянку подкинуть?

Любовь Степановна задумалась.

– Не припомню такого... Разве что в какой-то из годов Никита приболел и день рождения решил не праздновать. А она едва ли не единственная специально приехала его поздравить! Хотя мы жили тогда на даче, туда и дороги нормальной, считай, не было...

Аграфена зацепилась за эту ниточку, как детектив за улику.

– Вспомни, что она привезла ему? – настаивала целительница. – Подарки, гостинцы?

– Гостинцы? – вновь, казалось, зашла в тупик Любовь Степановна. – Трудно припомнить. Пожалуй, ничего такого... Разве что, по моему, привезла она ему гранатового сока. Да, точно! Тогда всё сложно было достать, а она привезла!

От этой новости Аграфена буквально побелела.

– Гранат – это плохо! – затараторила она. – Гранат – это совсем скверно!

– Что? Почему? – разволновалась Любовь Степановна.

Целительница вновь перемешала колоду, но карту не вытащила.

– Гранат – камень с энергией большой. Его надолго хватает, – начала пояснять она. – А фрукт, тот и вовсе состоит из десятков частей! Считай, зерно – год! Если сглаз через гранат положен, то до смерти может тянуться, сам собой не пройдёт. А то и не на одно поколение! Надо порчу снимать, иначе никак!

– Как же её снимать? – дрожащим голосом осведомилась Любовь Степановна.

– Сложно! – отрезала Аграфена. Но тут же немного оттаяла, дала шанс. – Но есть один вариант...

Повисла тяжёлая пауза. Целительница глухо кашлянула, а Лепнина, казалось, вся превратилась в слух. В этот момент из служебной двери показался тот самый юноша. Он подошёл к Аграфену, наклонился и громким шёпотом сообщил:

– Звонит Салтыков. Умоляет принять его немедленно. Говорит, сын совсем голову потерял.

– У меня гостя! – оборвала его знахарка. Однако юноша не только не успокоился, но заговорил ещё напористей и громче:

– Сулит любые деньги. Умоляет принять его во что бы то ни стало. Иначе, говорит, сам за себя не в ответе, может полгорода разнести.

Аграфена помедлила. Затем ответила тихо, но так, чтобы Лепнина могла расслышать каждое слово:

– Передай ему, что у меня важная гостя! Если хочет – пускай приезжает в десять! Только скажи, что в это время я никого не принимаю! Исключительно из уважения к ему и его положению!

Секретарь кивнул, поклонился и бесшумно вышел.

– Если вопрос касается денег, – догадалась Любовь Степановна, – то я готова на любую сумму, лишь бы Никите стало легче!

– Не говори здесь о деньгах! – почти прокричала Аграфена и сжала руки в кулаки, так что колода промялась, как вставшая на дыбы кошка. Знахарка дождалась, когда её восклицание произвело нужный эффект, и более спокойным, но всё равно оскорблённым тоном продолжила: – Я *помогаю* людям! А не наживаюсь на их горе! И ни от кого ничего не требую! Захочешь – отдашь, сколько посчитаешь нужным! Не захочешь – требовать не стану! Мне генералы и директора золото мешками подносили – и то я не всякому бралась помогать! А только тем, кто душу свою сохранил! Кто не прогнил, кто сердце имеет! А у тебя сердце живое, горячее.

Аграфена совсем смягчилась. Отвела взгляд, как будто призналась наивно и теперь смущалась собственной откровенности.

– Поможем мы твоему мужу! – наконец, сообщила она.

– Правда? – радостно воскликнула Любовь Степановна. – Я щедро отплачу, не сомневайтесь! У меня есть деньги! Лишь бы Никите было хорошо...

На глазах у неё навернулись слёзы, которые она подмахнула уголком платка.

– Не раскисай! – подбодрила её ведунья и в то же время как бы запретила унывать. – С силой Божьей справимся, иначе никак! Только не всё так просто. Заговор наложен слишком сильный. Просто снять его не получится.

– А как же? – расстроилась Лепнина.

– Говорю же: не раскисай! – настояла Аграфена. – Просто снять нельзя. Передать можно. Есть у вас враги? Или плохие люди, которые только зло делают?

– Враги? – опешила Любовь Степановна. – Передать? Разве это правильно порчу передавать?

Знахарка бросила на гостью испепеляющий взгляд и будто бы приподнялась на месте.

– Да я с тобой в шашки играть вздумала!? – не сводя глаз, говорила она. – Или в куклы? Всё очень серьёзно, дорогая моя! Ты сперва определись для себя: готова ли ради мужа *на всё*? И если нет – то лучше тебе сразу отсюда исчезнуть и дорогу к этому дому забыть!

– Нет-нет, я готова! – поторопилась убедить её Лепнина.

– А если готова, – как бы и не замечая выраженного согласия, продолжала Аграфена, – то забудь про чувства! Про совесть, сочувствие и сострадание! Подруга его не постеснялась на сорок лет подкинуть ему еженощный кошмар и ужас! А ты до сих пор выбираешь: жалеть или не жалеть!

– Так её и в живых уже нет давно... – скромно вставила слово Любовь Степановна.

– Её может и не быть – проклятье есть! – безапелляционным тоном постановила Аграфена. – И передать его нужно быстро. У нас есть только три дня, чтобы перенести порчу! Такой уж сильный сглаз оказался. Не успеем до вторника – до конца дней страдать будет!

– Как до вторника? – схватилась за сердце Любовь Степановна. – Сегодня же суббота уже!

– Да, ситуация непростая! – призналась Аграфена. – Причём человек этот обязательно должен быть неглупым! Желательно – вровень с мужем! Понимаю, это трудно, но надо постараться!

– А кто – мужчина или женщина? – растерялась Любовь Степановна.

– В нашем случае неважно! Главное – найти! Ну что, есть на примете?

– Да это как же! – совсем опустила руки Лепнина. – Где же я такого найду? Завтра воскресенье, Никита в больнице, все в отпусках, хотя...

– Что? – увидев, что Любовь Степановна застыла в раздумьях, Аграфена стала нагнетать обстановку. – Есть кто?

– В понедельник, – осторожно начала гостья, – к мужу придёт адвокат, составлять завещание. Молодой парень, но, говорят, перспективный и умница.

– Отлично! – поддержала её выбор Аграфена и в подробности вдаваться не стала. – Где они встречаются?

– У нас на даче. Никиту завтра обещали выписать домой...

– На той самой даче, куда приезжала та женщина? – уточнила целительница.

– Да. Кстати, да! – Любовь Степановна будто очнулась от сна. – Это же именно та дача! Мы сейчас там живём, когда тепло.

– Просто отлично! – кивнула знахарка. – И как долго он у вас пробудет?

– Думаю, не меньше часа!

– Замечательно! Домашние животные есть?

– Кот Митридат и кошка Фурия, оба чёрные персы.

Аграфена взмахнула руками от удовлетворения.

– Превосходно! – воскликнула она. – Звёзды сошлись на твоём супруге! Чувствую, всё должно пройти как надо!

Любовь Степановна тоже обрадовалась и даже улыбнулась:

– А что я должна буду сделать?

– Слушай внимательно и запоминай!

И Аграфена начала подробно описывать, что потребуется от Любови Степановны. Во-первых, во всё это время до встречи мужа и адвоката она, Лепнина, не должна мыться. Из волос сила может уйти, пояснила целительница. Далее, к пришедшему обязательно нужно подвести кошку, чтобы он погладил, а ещё лучше – взял на руки. Предварительно, правда, кошку нужно заговорить. Текст заговора передаст Лепниной ассистент. Любовь Степановна догадалась, что ассистентом является тот самый юноша, который приглашал её войти. Читать заговор нужно семь раз в день: три раза с утра, три раза вечером и один – в полночь. При этом кошку следует посыпать солью. Всё это можно сделать до того, как мужчины уединятся, то есть при встрече гостя.

После того, как все дела будут улажены, Любовь Степановна должна дать молодому человеку гранатового сока, причём выпить его он должен до дна. В бокал нужно добавить каплю жжёного сахара и кусочек пепла, а также надо смочить в этой смеси чёрную нитку и незаметно оставить её на одежде гостя. Сразу после этого тот, на кого переводится проклятье, должен будет обернуться вокруг своей оси.

– Сделать это несложно, – поделилась опытом Аграфена, – можно сделать комплимент его костюму и попросить повернуться. Судя по всему, вы годитесь ему в матери, поэтому отказать вам ему будет не просто.

Во всей процедуре с соком, ниткой и вращением самое сложное будет заключаться в том, чтобы молодой человек попутно вдохнул особого порошка. И здесь Аграфена подсказала, как выполнить это условие проще всего. Достаточно поместить несколько размельчённых гранул на салфетку и дать её гостю после того, как он выпьет. Казалось бы, не проблема. Но вот только порошок может приготовить лишь сама Аграфена и за ним Любови Степановне придётся приехать ещё раз. Лепнина поспешно согласилась. Договорились назавтра. Ведунья предупредила, чтобы платок не видел солнечного света и был раскрыт непосредственно перед завещанием.

– Перед? – удивилась Любовь Степановна. – Я думала, всё это будет после завещания.

Аграфена возвела очи горé и объяснила, как учительница объясняет детям простое правило:

– Это только впоследствии слово «завещание» стали использовать юристы. А изначальный его смысл – передача проклятия. Выражение «завещаю» обозначало у славян «проклинаяю». Твой муж и паренёк составят завещание, пускай так его будем называть. А ты совершишь настоящее, *истинное завещание* – перекинешь проклятье с любимого! Смотри, ты при мне сама обещание дала с пути не сходить!

Любовь Степановна сглотнула слюну и молча кивнула.

– Только выполни всё, как я тебе указала! – настояла Аграфена. – Иначе ничего не получится! И мужа потеряешь, и сама замараешься: в тонком мире очень не любят, когда дело до конца не доводят!

Лепнина сглотнула ещё раз и немного побледнела. Целительница удостоверилась, что цель наставления достигнута, и сменила тон на дружелюбный и поощрительный.

– Итак, поняла? Завтра приезжаешь ко мне за платком, тебе его передаст Рудольф, мой помощник. Он же сообщит прочие детали. Со мной тебе видеться больше не надо. Вопросы есть?

Сердце Любви Степановны бешено стучало. Ей безумно хотелось немедленно распрощаться и выбежать вон. Но она сдержала себя и один вопрос всё-таки задала:

– А что будет с молодым человеком?

– С адвокатом? – уточнила Аграфена и ответила тоном самым прозаичным. – Проклятье перейдёт на него. Теперь *он* станет видеть своего ночного двойника.

– И так бесконечно?

– Почему бесконечно! Пока не закончится действие заговора. Это может быть год, а может быть – сорок.

– И у него не будет возможности избавиться от этого?

– Передать сглаз! – так же буднично ответила целительница. – Или в день своего рождения сходить в церковь, поставить свечку Ни-

колаю Чудотворцу или Сергию Радонежскому. Только от *завещания* до его дня рождения должно быть не больше недели...

– Понятно! – оценила перспективы Любовь Степановна и готовилась прощаться.

– Я дам тебе один простой совет! Можешь назвать его даже женским. – Аграфена подняла палец с огромным перстнем с топазом. – В мире полным-полно калек, сирот, обездоленных и юродивых. И если каждому из них помогать, можно упустить из виду своих близких и самых дорогих людей. Не думай ни о чём другом. Просто сделай всё так, как я тебе сейчас сказала, и у твоего мужа будет очень хороший шанс избавиться от его недуга! Держи это в уме, когда искушение заставит тебя задуматься о судьбе желторотика.

Любовь Степановна обменялась со знахаркой долгим взглядом и убеждённо кивнула. В ту же минуту из внутренних покоев показался бледный, как тень, Рудольф и пригласил посетительницу следовать за ним. Лепнина ожидала, что выходить будет тем же путём, что и попала к колдунье. Однако помощник повёл её дальше, как раз в ту самую дверь, из которой он недавно выглядывал. За ней оказалась едва ли не богаче обставленная каминная со множеством картин и предметов старины: фарфоровых ваз, серебряных подсвечников, кубков, блюд, статуэток и прочего. Впрочем, Любовь Степановна не успела толком рассмотреть всего великолепия залы. На полпути к следующей двери ассистент целительницы вдруг остановился, как вкопанный, и спросил прямо и конкретно:

– Вы упомянули о том, что готовы выложить любую сумму, лишь бы ваш муж исцелился. Вы подтверждаете эти слова, сказанные чистосердечно перед величайшей помощницей мира?

– Да, – Любовь Степановна несколько опешила, но слова подтвердила. Прежде чем она успела понять, что смутило её больше – прямолинейность и напор ассистента или весьма претенциозная характеристика «величайшая помощница мира», – Рудольф продолжил:

– Завтра вы договорились приехать сюда за платком, так?

– Так.

– Платок будет вымочен уникальной эссенцией. В её состав входит множество дорогих компонентов. Не считая неоплатной милости Аграфены по составлению и заговариванию смеси, вы готовы оплатить её стоимость?

– Да, конечно! – поторопилась подтвердить Лепнина, но сердце её уже сжалось, предвидя неминуемые расходы. Пугал её только неизвестный размер их.

– Очень хорошо! – продолжал, между тем, Рудольф. – Эссенция для заговора платка стоит тридцать тысяч рублей.

Любовь Степановна в первую секунду опешила. Подобная сумма, грубо говоря, за духи, которыми она смочет платок для адвоката... Её парфюм стоил в пять раз дешевле! С другой стороны, речь шла об исцелении её мужа. В этом контексте потратить указанную сумму казалось уже не столь затратным предприятием. Поэтому Лепнина скрепя сердце согласилась.

– Вы можете отдать деньги прямо сейчас, – ассистент произнёс фразу тоном учтвого предложения, но по сути это был самый настоящий приказ, невыполнение которого грозило отменой всех достигнутых соглашений. Тем более Любовь Степановну предупреждали, чтобы она взяла с собой крупную сумму наличными.

– Хорошо, – кротко согласилась она и открыла сумочку, чтобы достать кошелёк.

Лепнина отсчитала и отдала помощнику Аграфены деньги.

– Приезжайте завтра в десять часов вечера, – глядя прямо в глаза гостю, сообщил Рудольф.

Дальше можно было ожидать, что он проводит посетительницу к выходу. Но вместо этого он взял с массивного дубового стола какой-то каталог.

– Вы сразу понравились благодетельнице Аграфене, – начал он. – Не сомневаюсь, что она поможет вашей беде! Но переданные деньги пойдут исключительно на компоненты для эссенции. Если вы хотите *по-настоящему* отблагодарить нашу вселюбящую целительницу, то должны сделать ей подарок от чистого сердца!

С этими словами он раскрыл каталог и показал набор столового серебра без ценника.

– Вы могли заметить, что наша матушка очень любит серебро. Она бы очень хотела иметь вот этот набор, – он указал пальцем, – но скромность и привычка довольствоваться в жизни самым необходимым не позволяют ей купить его. Между тем, я уверен – она будет умилена до глубины души, если вы сделаете ей сердечный подарок!

Любовь Степановна распознала логотип сети ювелирных бутиков и мысленно оценила набор на картинке ещё в пятнадцать тысяч. Отступить назад было уже неудобно, поэтому она ответила утвердительно, но в то же время неопределённо:

– Ну, хорошо!

– Вот и замечательно! – с энтузиазмом отозвался Рудольф. – Вы хотите сделать Аграфене подарок прямо сейчас?

Любовь Степановна замялась.

– Да, давайте, – ответила она и снова потянулась к кошельку.

– О нет! – предупредил её желание ассистент. – Мне известен только код товара в магазине. Если вам будет удобно, вы можете оплатить картой!

– Банковской картой? – удивилась Лепнина. – Сейчас?

– О да! – подтвердил Рудольф и извлёк непонятно откуда переносной приёмник карт. Он начал вводить цифры кода, а сам продолжил: – Вставляйте вашу карту и вводите пин-код.

Уже на улице Любовь Степановна осознала, что всё произошло, как во сне. Она выполнила все требования помощника целительницы. Тот поблагодарил её, вернул карту, а распечатанный чек забрал себе. Напомнил приехать завтра в десять вечера и проводил до дверей. Первым делом Лепнина добралась до банкомата, чтобы проверить баланс и тем самым узнать стоимость своего подарка. Она выцепила листок, поднесла его к лицу и быстро посчитала.

– Семьдесят девять тысяч... – вслух, но шёпотом произнесла она. И так бы и ушла прочь, если бы стоявший за ней мужчина не напомнил ей вернуть из банкомата карту.

– Семьдесят девять тысяч! – повторила она уже на улице. Спустя пять минут она поняла, что ей не остаётся ничего, кроме как завтра в десять часов ехать за самым дорогим платком в своей жизни.

Глава 13

Никита Александрович основательно приготовился и уже давно ждал адвоката для составления завещания. Дом, при этом, был словно наэлектризован суетой. Но не так, как готовятся к приёму важного гостя или ко встрече в семейном кругу со многими родственниками. Так обычно заняты повседневными делами, среди которых нужно не забыть про одно мелкое, но ответственное поручение. Так и сейчас – суета была мелкой, а подготовка к визиту юриста – рассеянной и немного нервной.

Любовь Степановна всё спрашивала, когда придёт Резневский. Никита Александрович отвечал, что, как они и договаривались, в семь вечера. Сам же он то и дело уединялся в кабинете и сверялся с листом бумаги, на котором пестрели выведенные от руки строки. Отобедали супруги на скорую руку, словно не желая доставать лишнюю посуду перед предстоящим отъездом в отпуск. Да и голодным себя никто из них не чувствовал. Скорее, трапеза представляла собой необходимый, выполненный по привычке церемониал, во время которого Лепнин и его жена периодически что-то припоминали. Для Никиты Александровича это были распоряжения относительно завещания, а для Любови Степановны – как ни странно, стишок.

*Кошка, сок и нитка вокруг –
Спи спокойно, милый друг!
Вот салфетка, нос утри –
Спи спокойно, раз, два, три!*

Так повторяла про себя Любовь Степановна. Если бы она произносила эти странные строки вслух, у постороннего могло создаться впечатление, что женщина бредит. Слишком уж серьёзное выражение лица не подходило к шутливому, если не сказать – бессмысленному детскому стишку. Между тем, посвящённый оценил бы не только содержание, но и форму этого послания.

Любовь Степановна зачастую использовала особую мнемоническую методику – запоминать информацию, рифмуя нагруженные смыслом слова. Это мог быть список продуктов, которые она должна купить, но которые некуда записать по причине оставленного в машине телефона. Или это мог быть рецепт пирога – очень удобный, кстати, способ. Сегодня Любовь Степановна напоминала себе, что ей нужно совершить с пришедшим. Если бы её попросили расшифровать стишок, то его содержание свелось бы к следующей последовательности действий.

«Кошка, сок и нитка вкруг» означало сразу четыре операции. Во-первых, адвокату нужно поднести предварительно заговорённую кошку, чтобы он её погладил. Во-вторых, Резневский должен выпить гранатового сока. В-третьих, на его одежде нужно оставить заранее смоченную в соке нитку. И, в-четвёртых, каким-то образом следует заставить его обернуться вокруг своей оси. Венчает последовательность пятый пункт, самый важный. Под него Любовь Степановна выделила целую строку – «Вот салфетка, нос утри». Составителю завещания следовало чихнуть и утереться специальной салфеткой, за которой Лепнина скрепя сердце съездила вчера и за которую оставила целое состояние!

По сути, обычный платок, только будто пропитанный пудрой и пахнувший тонким ароматом грушевого саше. «Могла бы придумать что-нибудь помудрёней, за семьдесят девять тысяч!» – со смесью гнева и обиды думала Любовь Степановна, но тут же гнала от себя подобные мысли. Платок лежал у неё в спальне. И одно воспоминание о том, какими стараниями он ей достался, не оставлял жертве ни единого шанса – Лепнина уже не сомневалась, что пустит его в ход!

«Спи спокойно, раз, два, три!». Желание исцелить мужа, казалось, отступало перед дороговизной лечения, так что, в определённом смысле, сам приход Любви Степановны к знахарке делал передачу проклятия неотвратимой. Будь то реальная магия или эффект плацебо! Лепнина гнала и эту мысль от себя и снова повторяла:

*Кошка, сок и нитка вкруг –
Спи спокойно, милый друг!*

*Вот салфетка, нос утри –
Спи спокойно, раз, два, три!*

Облачённая в детский стишок формула несколько успокаивала муки совести Любови Степановны: детское – значит наивное и невинное, что плохого может быть от детей! С другой стороны, иногда её пронизывал неподдельный ужас, когда она представляла, как в точности тот же стишок произносит ужасная колдунья над своей жертвой. В этом случае характер считалочки менялся на дьявольское проклятие. Точнее, на его передачу, или, как объяснила знахарка, «завещание» проклятия.

Разумеется, обо всём этом жгучем наборе мыслей, переживаний, сомнений и предвосхищаемого ужаса Никита Александрович даже не подозревал. Он был занят своим, и в большей степени его волновало, как бы он не забыл даже малейшей детали. В каком-то смысле он тоже был занят постоянным напоминанием себе того, что он ни в коем случае не должен забыть. Только у Лепнина было отличное преимущество – он делал всё в открытую и по этой причине имел законную возможность и даже привилегию записывать.

Он добавлял пометы вплоть до самого прихода Резневского. Произошло это, казалось, неожиданно для обоих, несмотря на то, что часы показывали ровно семь: раздался отчётливый звонок. Никита Александрович поспешно открыл дверь. На пороге стоял одетый с иголки адвокат Леонид Резневский.

– Добрый вечер! – улыбнувшись, поздоровался он.

– Добрый вечер! – почти синхронно ответили Лепнины и предложили войти.

Резневский вошёл внутрь и разделся. Никита Александрович взял у него светло-коричневое, цвета охры, пальто и повесил в гардероб. Молодой человек снял также шарф и перчатки и положил их на комод в коридоре. Взял свой кожаный портфель и сообщил Лепнину, что полностью к его услугам и готов надлежащим образом оформить и заверить завещание. Никита Александрович кивнул и предложил гостю проследовать в кабинет. Они уже поклонились Любови Степа-

новне в знак почтения и отправились по делам, как дорогу Резневскому преградила чёрная, как смоль, кошка.

«Надо же, как по заказу!» – словно бы очнулась от сна Любовь Степановна, вспомнив, что это она должна была подвести кошку перед тем, как мужчины уединятся.

– Какое чудо! – умилился Резневский и наклонился погладить кошку, которая стала тереться о его ноги. – Как её зовут?

– Фурия, – ответил Лепнин. – Мы хотели назвать её Фурье – ну, знаете ли, «не вступай в ряды Фурье» и всё прочее... Но решили, что для такой грациозной дамы больше подойдёт Фурия.

– Красавица! – признал адвокат и почесал у неё за ушком. – Ну что, куда?

Никита Александрович указал ему рукой путь к кабинету и сам зашагал рядом. Оставленная в одиночестве Любовь Степановна поначалу укорила себя безалаберностью, так как оказалась, в общем-то, неготовой к приходу адвоката. Но заслугу кошки отметила особенно поощрительной гладкой.

– Это раз! – вполголоса произнесла Лепнина и отправилась готовиться к последующим пунктам «завещания».

Мужчин не было долго. Любовь Степановна, разумеется, могла только догадываться, что происходит у них в кабинете. Ничего особенного, между тем, не происходило. Никита Александрович объявлял свою волю, а Леонид уточнял, справлялся о правоустанавливающих документах и иногда просил предъявить их ему. Затем объяснял нюансы составления завещания для данного имущества и подробно описывал процедуру его передачи. Форма документа заполнялась ещё на один пункт – для этого Резневский вносил дополнения в электронном виде прямого у себя на компьютере, – и процедура повторялась заново уже для другого имущества.

Сколько продлится составление завещания, сказать было сложно. Даже Никита Александрович, который полагал достаточным время в количестве двух с половиной часов, теперь осознал, что этого не просто может не хватить – что может понадобится ещё вечер и, вероятно, не один. Молодой человек, казалось, подобными вопросами не заби-

вал себе голову. Он профессионально, грамотно и методично вносил дополнения в документ, уточнял, пояснял сам и действовал, в целом, как образцовый нотариус.

Сам он, конечно, считал себя пускай начинающим, но первоклассным адвокатом и на прозвище «нотариус» смертельно бы оскорбился. Но в данном конкретном случае никто его так не называл, а, кроме того, он выполнял поручение Рубена Грантовича, причём за немалые деньги. Да и Никита Александрович понравился ему чёткостью мыслей и их формулировок.

Одна только Любовь Степановна не могла понять, в какой стадии находится делопроизводство. Она неотрывно следила за стрелкой циферблата. Прошло уже полчаса, а из кабинета не донеслось восторженных голосов, как бывает при заключении сделки. Лепнина заставила себя быть сдержанной и терпеливой. Но, когда с момента закрытия дверей прошло сорок пять минут, она разволновалась и испугалась, что что-то может пойти не так. Любовь Степановна понимала, что тревожить и отвлекать мужчин не стоит, но ничего не смогла с собой поделать – она решила угостить их соком.

Едва дождавшись, пока часы покажут восемь, Любовь Степановна, постучалась в дверь кабинета и осторожно приоткрыла её. Никита Александрович и Леонид настороженно обернулись, как если бы пересчитывавших купюры грабителей потревожил участковый. Лепнина немедленно извинилась, предупредила, что на минутку, и мотивировала своё появление заботой и желанием угостить тружеников соком.

Никита Александрович, по-видимому, был расстроен, если не раздосадован, что их отвлекли, но не мог высказать этого напрямую. Только после угощения он попросил супругу не беспокоить их до окончания их заседания. А до этого покорно взял с подноса стакан гранатового сока, отхлебнул и поставил на место. В силу ли обстоятельств, возраста, врождённой учтивости или действительного ощущения родства между людьми, но Резневский принял напиток с неподдельным удовольствием.

– О, я очень люблю гранат! – признался он и, пока благодарил хозяйку и пел дифирамбы ей и дарам природы, допил сок до дна.

Любовь Степановна даже поймала себя на мысли, как легко и непринуждённо ей давалось задание. Адвокат вернул ей пустой стакан и, глядя на поднос, попросил:

– Могу я воспользоваться салфеткой? – и он указал на специально подготовленный и заговоренный платок.

– Конечно, возьми и хорошенько вытри свои рубиновые от граната губы! – так хотела прокричать Любовь Степановна, но вместо этого ступсевалась, сглотнула слюну и молча кивнула.

Леонид взял с подноса платок и деликатно, как Эркюль Пуаро заворачивает свои напомаженные усики, вытер с губ остатки вкуснейшего сока.

– Спасибо! – вежливо поблагодарил он хозяйку и положил смятую салфетку обратно.

До сих пор слабо веря своим глазам, Любовь Степановна вышла из кабинета, заперла за собой дверь и вымолвила шёпотом:

– Вот тебе два! И вот тебе пять!

Впрочем, она быстро взяла себя в руки, поскольку осознала, что завещание ещё не выполнено и остались ещё два пункта – нитка и оборот.

– Нитка – вокруг! Нитка – вокруг! – затараторила она, напоминая, что должна сделать, и отправилась в другую комнату.

На этот раз всё было приготовлено заранее, чётко спланировано и отрепетировано бессчётное число раз. В какой-то момент Любовь Степановна даже поймала себя на мысли, что перегорела, как ребёнок, который повторяет стишок перед приходом деда мороза. Стишок вызубрен наизусть, а старого всё нет. Так и она отчего-то вдруг настолько устала, что – непростительная оплошность – потеряла интерес к происходящему. Так бывает, когда много часов ждёшь важного гостя, а его всё нет. В определённый момент задаёшься вопросом, а прибудет ли он вообще?

Любовь Степановна понимала, что подобные настроения недопустимы в данной ситуации и всячески себя подстёгивала. Часы, между

тем, перешагнули рубеж в десять вечера и планомерно приближалась к последнему часу в сутках. Без пятнадцати одиннадцать двери кабинета, наконец, распахнулись, и из них вышли несколько уставшие, но довольные Никита Александрович и Леонид. Они живо и тепло переговаривались, словно проведённое вместе время было посвящено не работе, а обсуждению общих интересов.

Однако в определённом смысле так и было. Лепнин составлял завещание – юридически санкционированный документ, в котором излагалась его воля и распоряжения относительно имущества, а также некоторые поручения и наставления, носившие рекомендательный характер. Резневский, в свою очередь, получал удовольствие от составления завещания, которое предполагало преодоление некоторых трудностей, иногда весьма заковыристых. Он всегда любил побеждать, преодолевая не столько противника или обстоятельства, сколько собственную посредственность и интеллектуальную лень. В этом юридическом аскетизме Леонид приобрёл значительный навык, и случай Лепнина доставлял ему особое умственное удовольствие.

Поэтому адвокат не сразу понял, чего от него хочет Любовь Степановна. Кажется, она говорила о его костюме.

– ...Просто чудесно! Повернитесь же! – настаивала она, и Резневский повиновался. Он почувствовал лёгкое прикосновение в то мгновение, пока был к супруге Лепнина спиной, а когда обернулся, она продолжила свой дифирамб: – Восхитительно! Вам очень идёт! Просто как три-четыре!

Она, видимо, процитировала девичью считалочку, потому что заметно осеклась и покраснела. Резневский несколько удивился такой перемене: раньше Любовь Степановна представлялась ему дамой серьёзной и основательной, а теперь будто играла в детские шарады. Впрочем, женщины, размышлял Леонид, что с них взять...

Адвокат пожал руку главе семейства, поблагодарил за рабочий, но продуктивный вечер и в виде дублирования благодарности похлопал себя по внутреннему карману, в котором хранился конверт с вознаграждением. Затем учтиво, слегка, поклонился. Никита Алексан-

дрович в свою очередь высказал восхищение профессионализмом молодого юриста, ответил поклоном на поклон и проводил до двери.

– И кстати! – вспомнил Лепнин. – С наступающим днём рождения! Я знаю, заранее не поздравляют, но мы вряд ли увидимся через неделю, а телефону я предпочитаю личные поздравления! Так что поздравляю вас!

– Спасибо! – искренне улыбнулся молодой человек. – Очень приятно это от вас слышать!

На этом они расстались. Леонид сел в машину и отправился домой, где его ждала его девушка Диана. А Лепнин поддался неожиданно горячим и радостным объятиям супруги и, сделав исключение из правил, согласился отужинать, несмотря на поздний час.

Любовь Степановна заваривала ароматного цитрусового чая, и они закусили бутербродом с сёмгой и мандаринами, которые не переводились у них в любое время года. Затем они поцеловались и ушли спать. Никита Александрович не подозревал, что его жена предусмотрительно напилась на ночь кофе. И когда он заснул – а случилось это на удивление быстро, – она приподнялась на локте и внимательно посмотрела на него со смесью благоговения и надежды. Она смотрела за ним долго, почти всю ночь. И только в пятом часу дрёма пересилила её, и Любовь Степановна согласилась сдать её власти, потому что за всё время Никита Александрович не издал ни единого страшного звука.

Он спал сладко, как младенец, и крепко, как богатырь после боя. Уже Любовь Степановна очнулась в страхе застать обманутые надежды. Но чудо, казалось, свершилось! Никита Александрович проворочался с полчаса и, наконец, открыл глаза с видом совершенно счастливого и отдохнувшего человека. Лепнин посмотрел сначала на супругу, затем на часы и с удивлением уточнил:

– Уже утро? Как странно, мне сегодня ничего не снилось...

– Потому что завещание тебя успокоило! – предположила Любовь Степановна. Она, конечно же, имела в виду совсем другое, но Никита Александрович с готовностью согласился. И, когда он, бодрый и энергичный, помолодевший на двадцать лет, отправился умы-

ваться для новых свершений дня, сидевшая на кровати Любовь Степановна упала на одеяло и уткнулась в подушку мокрыми от слёз счастья глазами.

– Свершилось! – полуистерическим шёпотом повторяла она. – Спасибо! Свершилось...

Эпилог

В дверь квартиры позвонили, и в коридор из зала пронесла себя фигура улыбающегося и светящегося от удовольствия молодого человека. За ним прошептывала девушка и обняла его сзади, пока он отпирает замки. Дверь отворилась, и на пороге показалась пара с подарочной коробкой, сверху которой красовался внушительный бант.

– Лёня, с днём рождения тебя, дорогой! – продекламировал густой мужской голос гостя.

Адресат поздравлений, хозяин дома Леонид, жестом пригласил друзей войти и уже внутри обнялся и расцеловался с пришедшими. Подарки оказались вручены, а гости – переобуты из уличной обуви в тапочки из дюжины произведений современного дизайнерского искусства на выбор. Леонид провёл парочку в просторный зал, где за прямоугольным столом, а также в трёх диванах в разных углах комнаты уже заседали участники торжества. Все они приветствовали вновь прибывших восклицаниями и объятиями, и вскоре воцарились прежний шум и праздничная, столь приятная сердцу именинника суета.

Гости продолжали прибывать, подарки плодились в наспех выбранном углу, а хлопки вылетающих пробок стали напоминать салют в честь возвращающихся с войны победителей. Начали спускаться августовские сумерки, когда кто-то из гостей предложил нескольким друзьям, и в их числе Леониду, отойти в свободную комнату. Группа молодых людей на время откололась от вечеринки и вернулась уже с сияющими улыбками на лице и расширенными от удовольствия зрачками. Повсюду стоял смех, и приветствия, и шутки, и весёлые подколы вкупе с неотложными признаниями взаимной приязни и гениальными прозрениями молодых, но острых умов о смысле жизни и бо-

гатстве смыслов в столь привлекательных наручных часах, от которых попросту невозможно оторвать глаз.

Посреди общего веселья Леонид остановился у двухметрового зеркала и в упор уставился на себя с видом невероятного удивления.

– Посмотри, посмотри! – остановил он рукой проходящего мимо приятеля. – Ты видишь, что у меня вместо головы тыква, раскрашенная, чтобы всех запутать? И как искусно раскрашенная! Не меньше, чем Вермеер, – голову на отсечение даю! Вернее, тыкву!

Молодые люди посмеялись, и Леонид продолжил:

– Витя, ты понимаешь, что это значит!? – Собеседник отрицательно покачал головой. – Это сон! Сновидение! Если ты видишь себя или кого-то ещё в зеркале не таким, как на самом деле, – значит, тебе всё это снится! Хочешь проверить?

И, не дождавшись ответа, Леонид с невероятной бодростью бросился в зал, где открыл всем присутствующим глаза на то, что все они – сон его ночного воображения и что он это сейчас наглядно продемонстрирует. Молодой человек сорвал со стены огромный телевизор и, выдирая попутно все провода, двинулся с ним в сторону балкона.

– Смотрите! – торжественно провозгласил он. – Сейчас я вам докажу, что вы не больше, чем гости моей фантазии!

Леонид с замахом швырнул телевизор вниз. Ударившись об асфальт, аппарат, как и полагается, разлетелся на сотню частей, только вместо обломков ими оказались новенькие планшеты, которые поспешно подобрала и разнесла по углам и закоулкам местная детвора.

– Видите! – триумфально изрёк Леонид.

– Что за дрянь вы ему подсунули! – продираясь сквозь взбудораженную и ликующую толпу, бросила Диана, девушка именинника. – Ты совсем с катушек слетел?! Иди сюда, пока сам не спрыгнул!

Леонид послушно прилепился к своей спутнице, но вместо объяснений стал горячо убеждать её в своей правоте. При этом он так нежно льстился к ней, обнимал с неподдельной любовью, а говорил с таким искренним жаром, что на секунду Диана уверилась в его словах:

– Дианочка, красавица моя, солнышко, милая моя! – целовал её в руки и шею Леонид. – Поверь мне, дорогая, мы все во сне! Иначе как это может быть, если вместо головы – портрет Вермеера! Любовь моя, уверяю тебя, всё так и есть, как я говорю! Я готов тебе доказать это! И вместе с этим – мою космическую любовь к тебе! Ну разве наяву такое возможно?

И он взял на кухне хрустальный сосуд с мёдом, заговорил его тайным языком, и плеснул на гостей, на которых полетел целый рой пчёл, быстро, впрочем, растворившихся в открытой двери балкона. Затем из перевернутой ёмкости чудесным образом выпал маленький чёрный мишка, который от испуга ринулся прочь, на ходу запрыгнув на стол и, шокированный неожиданным препятствием, ударил одного из гостей пятернёй по лицу.

– Ты совсем с ума сошёл! – вскрикнула Диана и схватила Леонида за руки. Именинник при этом обиделся, так как задним умом заподозрил, что Диана могла подумать, будто бы он ударил гостя банкой с мёдом, в то время как это на самом деле был живой мишка. Впрочем, чтобы не материализовать пришедшую в голову мысль, Леонид промолчал. Однако его сдержанности хватило на считанные секунды.

– Я сейчас докажу тебе! – в исступлении проговорил он. Одним прыжком настиг кухонного стола, схватил огромный нож и, как ребёнок, пытающийся в чём-то уверить родителей, залепетал: – Дианочка, смотри! Стал бы я рисковать самым ценным, если бы не сон!?

И с этими словами Леонид замахнулся и с силой ударил возлюбленную в шею. Всех присутствующих обагрил тёплый фонтан крови, а тело девушки беспомощно рухнуло на пол, перевернув стул. Диана в немом ужасе хваталась руками за шею, не в силах остановить кровавые брызги. В глазах её метался первобытный страх, который застилала безмерная горечь и обида за предательство от самого близкого человека.

Леонид хотел было кинуться на пол, чтобы ощупать шею девушки. Но вместо этого он залился слезами и, выйдя из секундного оцепенения, резко поднялся на кровати и завопил не своим голосом:

– А-а-а!!! Дианочка, любимая моя, дорогая!!!

Диана в испуге проснулась, и первым её желанием было немедленно убежать прочь. Впрочем, она быстро пришла в себя, и даже несмотря на то, что сердце её колотилось бешено и громоподобно, сумела проговорить:

– Это был сон, Леон! Это был страшный сон, кошмар! Не души меня, мне больно...

Леонид посмотрел перед собой и только сейчас заметил, что охватывал руками девственную шею Дианы, пытаясь остановить фонтан крови, который остался в совершенно ужасном, чудовищном и безбожном сновидении. Сначала он стал целовать любимую. Затем встал и, обливаясь потом, заходил из угла в угол в темноте летней ночи. Наконец, сел на край кровати спиной к Диане и задышал тяжело, как больной астмой.

– Леон, тебе нужен отдых! – вкрадчиво начала Диана. Она понимала, что просто должна говорить – всё что угодно, любые глупости или очевидные вещи, лишь бы не молчать. Это был единственный способ успокоить Леонида. – Эта работа тебя убивает! Завтра у тебя день рождения...

От этих слов у парня пробежал по спине убийственный холодок, однако Леонид сделал усилие, чтобы не подать вида.

– ...давай всех соберём, хорошенько отпразднуем, а потом улетим вдвоём на Кипр. На две недели! После этого старика ты сам не свой! Зелья он тебе, что ли, подмешал! Я не помню, когда ты последний раз спал нормально... Тебе нужен отдых! – заключила Диана.

Леонид помолчал с полминуты, после чего тихо произнёс:

– Мы же хотели съездить в лавру, помолиться...

– Лавра, лавра! – Диана встала со своего места и сама заходила по комнате. Она постаралась сдержать себя, чтобы не выдать раздражения, но получилось у неё это наполовину. – Съездим мы туда! Что она, переедет, что ли, лавра твоя! Сначала надо успокоить нервы, сходить к психологу. А ещё лучше – отпраздновать день рождения, отдохнуть, расслабиться!

– Дианочка, но бесовство ведь какое-то... Всё время во сне вижу в зеркале вместо себя то маньяка, то череп, то тыкву...

– Вернёмся с Кипра и первым делом съездим! – оборвала его Диана. Затем посмотрела в окно и недовольно проворчала: – Ну вот, уже рассвет! Я с тобой уже неделю не сплю! Ты обо мне хотя бы подумай!

И с этими словами она отправилась на кухню варить кофе. Леонид заставил себя встать, пошёл в душ, машинально побрился и почистил зубы. За прошедшую неделю его жизнь превратилась из яркой и насыщенной не просто в серую, но в угнетающую и даже ужасающую. Кошмары стали мучить его беспрестанно, по нескольку раз за ночь. Причём сновидения были настолько реалистичными, что Леонид просыпался в неподдельном смятении и с риском окончить жизнь в результате сердечного приступа.

На вторую ночь Диана вызвала скорую помощь. Леониду сделали укол, от которого он осоловел и вскоре провалился в сон, в продолжение которого хотя и не кричал и не просыпался от ужаса, но, тем не менее, постоянно бормотал что-то нечленораздельное и вертелся. Следующий день прошёл у молодого человека сумбурно и нервно. А ночью снова вернулись устрашающие зеркала, в которых он отражался приговорённым к казни преступником, монстром или сумасшедшим, норовившим перепрыгнуть серебристую грань и исполосовать Резневскому пол-лица.

Леонид вспомнил сюжет последнего сна и с опаской, медленно поднял голову после того, как прополоскал рот. Ко вдохновляющей радости в овале зеркала отразился он сам. Опухшими пальцами он потрогал мешки под глазами и привычным, но усталым движением взял с полочки капли для глаз – красных, как у пропойцы, вставшего с утра в туалет. Посмотрев со смесью отвращения и жалости на постаревшего на десять лет мужчину, Леонид вытер лицо полотенцем и отправился завтракать.

На кухне Диана уже расставила тарелки с манной кашей, яичницей с беконом и стаканы с кофе и апельсиновым соком. Леониду она подала таблетку и приказала выпить. Поцеловала в щёчку и пригласила садиться. Диана кушала бодро, разговаривала о том о сём, просила передать ей горчицу и вообще всячески настраивала своего

спутника на позитивный лад. Тот поддавался воздействию плохо, ел, как заболевший ребёнок, то есть больше размазывал по тарелке, и только кофе выпил сразу и налил себе ещё.

– Извини, что тебе приходится всё это терпеть, – наконец, сказал он. – Всю неделю я сам не свой и... ничего не могу с собой поделать! Я стараюсь как-то взбодриться, развеяться, но ты видишь, как меня мучают эти ужасные кошмары! Если бы я рассказал маме, она бы наверняка заключила, что меня сглазили... Ты, правда, думаешь, что мне нужно как следует завтра загулять?

– Конечно! – сквозь воздушный бисквит воскликнула Диана. – У тебя же завтра день рождения! Ты ещё спрашиваешь! Конечно, тебе надо расслабиться так, чтобы потом день проспять без задних ног!

Леонид кивнул, но энтузиазма соглашаться в это движение было вложено мало.

– Знаешь, – осторожно начал он и замялся, – как бы тебе сказать...

– Говори как есть! – взмахнула руками Диана.

– Такое нелегко озвучить... Мне сегодня приснилось, что если мы устроим большую вечеринку в честь моего дня рождения, то всё может кончиться не очень хорошо.

– Ну прекрати! – запричитала девушка. – Вот что может закончиться нехорошо? Что, кто-то напьётся и подерётся? Или уколется и подстрелит кого-нибудь из ружья? Мы же не концерт «Роллинг Стоунз» устраиваем, а простой день рождения! В смысле, конечно же, не простой, а эксклюзивный и невероятный! – быстро исправила свою оговорку Диана. – Я лишь хочу сказать, что в самый разгар торжества ты же не зарежешь меня кухонным ножом...

Леонид подавился кофе и выронил из рук чашку, которая упала на стол, залила полскатерти и полетела вниз, вдребезги разбившись о кафельный пол. Молодой человек отпрыгнул в сторону от потоков и брызг кофе, и Диана вскочила вместе с ним.

– Что случилось? – испугалась она, особенно если учесть, что Леонид начал кашлять и бить себя в грудь.

Резневский посмотрел на девушку вновь покрасневшими глазами и сообщил ей прямо:

– Вообще-то, именно это я во сне и сделал. И, когда ты тоже проснулась, я не душил тебя, а наоборот – прикрывал рану на шее, чтобы из неё не струилась кровь.

Леонид хотел выразиться «не фонтанировала», но вовремя нашёл подходящую замену. Но и этого хватило, чтобы Диана пошатнулась на месте и задела табурет, который с грохотом рухнул на пол в лужу кофе. Парень посмотрел на испуганную фигуру Дианы, которую бил озноб, затем на себя, в кофейных брызгах, наконец, вниз на беспорядок и бардак, и сформулировал:

– Инсталляция «Завтрак», начальная цена двести пятьдесят тысяч фунтов.

Так бывает во время примирения после ссоры, когда оба уже простили друг друга, боятся сделать первый шаг и кто-то, наконец, его совершает. Молодые люди не ссорились. Напротив, ощущение общей проблемы как никогда сблизило их. Поскольку даже несмотря на недосып и нервы, они отчётливо поняли, как сильно нужны друг другу и как, стало быть, любят друг друга. Вот и теперь Леониду достаточно было сделать пригласительный жест к объятиям, как Диана бросилась к нему и так они стояли не меньше минуты, ничего не говоря и просто поглаживая друг друга.

– Ладно, – наконец, произнёс Леонид. – Мне уже пора, да и тебе скоро нужно собираться... Конечно же, это всего лишь глупый сон! Я очень тебя люблю и никогда бы не позволил подвергнуть тебя опасности! Дурацкие кошмары... Давай я вернусь с работы, мы закинемся снотворным и проспим до обеда! А завтра хорошенько отпразднуем мой день рождения, как ты и хотела!

– Давай! – согласилась Диана.

– Договорились! – заключил Леонид. И спустя мгновение добавил: – Я тебя очень люблю!

– И я тебя люблю! – улыбнулась Диана.

Они собрались и разъехались по делам. Вечером у Леонида была встреча, и он освободился только к восьми часам. Но когда он вернулся домой, в дверях его ждала одетая не по-летнему тепло Диана.

– Не разувайся! – сообщила она Леониду и приказала оставить в квартире только портфель с документами. Сама же взяла ключи от своей машины и рюкзак с нашитыми глазами умиляющейся кошки.

– Мы куда-то едем? – уточнил Леонид.

– Как ты догадался! – с игривым сарказмом ответила Диана. – Каким глубоким аналитическим умом нужно обладать! Скажи честно, чем я себя выдала? Ключами от машины? Или вечерней курткой?

– Ну хватит! – замурлыкал Леонид. – Лучше скажи, куда мы едем?

– В лавру! – просто ответила девушка, переобуваясь из домашнего в кроссовки.

– В лавру? – переспросил Резневский. – Ты же не хотела туда ехать!

– Я позвонила туда и договорилась о месте в гостинице на сегодняшнюю ночь. Завтра с утра мы сходим на службу и после завтрака уедем. И твою душу успокоим, и день рождения отпразднуем! Я подумала, что это отличный вариант. Действительно, почему бы не съездить?

Леонид поджал губы, как в тех случаях, когда отдают должное чьему-нибудь достижению.

– Ты сама так решила? – удивился он. – Или кто подсказал?

– Ну, я приняла это решение не без помощи со стороны, скажем так! – уклончиво ответила Диана.

– Да-а? – развеселился Леонид. – И кто же это был?

– Такое смешное имя, – предварила свой ответ девушка, – отец Дионисий?

– Кто? – он даже остановился, пока они спускались по лестнице. – Это священник? Да ещё и твой тёзка?

– Тёзка? – не поняла она.

– Ну как же: Диана, Дионисий! – озвучил очевидный для него ряд Леонид.

– Слушай, правда! – с удивлением согласилась Диана. Она закивала головой, продолжая поражаться совпадению, которое она отчего-то пропустила. А молодой человек продолжил расспросы:

– И что же тебе сказал этот Дионисий? Избегать завтра подношений богу Дионису? – Леониду так понравился собственный каламбур, что он сам рассмеялся.

Диана неожиданно стала серьёзной.

– Ты знаешь, нет! – призналась она, пока они вышли на улицу и следовали к машине. – Он как раз не был против этого. И даже посоветовал хорошенько погулять и передал тебе свои поздравления! Однако он спросил, как давно ты был в храме, и когда я ответила, что, в общем-то, не помню, – то посоветовал обязательно съездить в лавру. Тем более что ты сам хотел этого. Затем священник сказал, что самое важное в жизни совершается в незначительных на первый взгляд делах и решениях. И что повседневная жизнь – это место баталий не менее масштабное, чем поля настоящих войн.

Диана нажала кнопку брелока, и Леонид открыл ей дверь машины и придержал её, пока девушка садилась внутрь. Он сложил в багажник вещи, сел сам и первое время молчал, не зная, что сказать по поводу услышанного. Диана тем временем ввела в навигатора адрес лавры и пристегнулась.

– Ну что, в путь? – с энтузиазмом спросила она.

– Да, почему нет! – подтвердил Леонид.

Post scriptum

Отец Дионисий посмотрел сквозь резные царские ворота на паству и среди многочисленных прихожан заметил Любовь Степановну. Она стояла вся будто бы в сиянии, настолько счастливым и одухотворённым запечатлелось ему её лицо. Поэтому, когда после службы он вышел из алтаря и спустился с амвона, то ни капли не удивился тому, что Лепнина оказалась в числе выстроившихся в очередь людей. Одни горячо о чём-то просили священника, другие с трепетом благодарили, но все они тянулись к нему, как растения к свету.

Лишь когда прочие отошли и Любовь Степановна приблизилась к иерею, только теперь он разглядел грозовую тень беспокойства на её лице. Женщина во всём откровенно призналась. Подробно рассказала о знахарке и о свершившемся преображении мужа. По её словам, Никита Александрович вот уже неделю спал, как младенец, и за всё это время ему не приснился ни один кошмар.

– Я понимаю, что должна бы испытывать стыд или угрызения совести, – признала Лепнина, – но ничего такого я не чувствую. Я сейчас просто счастлива, что с Никитой всё хорошо!

Она была готова расплакаться от переполнявших её эмоций, но Дионисий предупредил её порыв.

– Я очень рад за вас, – с неподдельной улыбкой произнёс он, – но почему вы пришли ко мне? Я ведь даже не помог вам ничем!

– Откровенно говоря, – собралась с духом Любовь Степановна, – я пришла... не поблагодарить вас, а... Я даже и не знаю, зачем именно!

Она немного растерялась, а затем передала историю с «завещанием».

– Наверное, – заключила Лепнина, – я просто переживаю за того парнишку, он ведь совсем молодой! А предупредить его сама... даже не знаю. Вот я пришла попросить вас помолиться о нём.

Отец Дионисий качнул головой, как качают люди, которые подразумевают: а почему бы и нет!

– Значит, знахарка сообщила, что молодой человек должен причаститься в день своего рождения и поставить свечку Сергию Радонежскому? – уточнил иерей.

Любовь Степановна подтвердила.

– И вы хотите, чтобы я помолился за этого адвоката?

– Получается, так! – по здравом размышлении согласилась Лепнина.

Священник качнул головой ещё раз. Так делают те, кто точно для себя решают: именно так мы и поступим!

Прощание совершилось быстро. Любовь Степановна ушла с неоднозначным послевкусием. Она была убеждена, что сделала всё,

что было в её силах. Но где-то в дальних уголках совести её скребли мысли сомнения. Правильно ли она поступила? Следовало ли ей сходить к Аграфене или предупредить Леонида вместо того, чтобы приходить к священнику? Отец Дионисий, в свою очередь, до времени закрыл в сердце услышанные вести, чтобы не смущать своими мыслями других прихожан, которые ждали своей очереди.

Последней к священнику подошла богато одетая молодая девушка. По всей видимости, она редко бывала в храме, потому что совершенно не знала, куда ей деть руки, и в ужасе шарахалась от бабулек, которые сновали от иконе к иконе тушить огарки. Дионисий подбодрил её. Девушка сообщила, что пришла спросить совета о своём парне. Вот уже неделю ему снятся кошмары, с утра он полностью разбитый и всё время нервный и раздражительный. И кроме того...

– У него скоро день рождения? – неожиданно спросил иерей.

– Да, – удивилась Диана (а это была она), – откуда вы знаете?

– Езжайте сегодня же в лавру! – ответил не на прозвучавший, а на важнейший вопрос Дионисий. – Переночуете в местной гостинице, а завтра сходите причаститься. И обязательно приложите к мощам преподобного Сергия!

Диана остолбенела. Она смотрела прямо перед собой, но в глазах у неё стоял туман. Священник начал говорить о том, что душа – это поле брани сродни воинскому и прочее в том же духе. Но когда заметил, что никакого эффекта его слова не производили, то взял девушку за плечи и повторил:

– Слышите меня? Сегодня же езжайте в лавру! Обязательно!

С этими словами Дионисий оставил её одну прямо перед алтарём, а сам двинулся к выходу. На улице он проследовал к своему джипу, который разразился животным рёвом, когда священник повернул ключ зажигания. На его лице сияла довольная улыбка, а в глазах будто светились радуги.

– Люблю я свою работу!

Он благословил мир перед собой и тронулся с места.

Оглавление

Глава 1	3
Глава 2	7
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	36
Глава 9	48
Глава 10	54
Глава 11	58
Глава 12	64
Глава 13	79
Эпилог	87
Post scriptum	95

* * *

Михаил КОЖАЕВ

ЗАВЕЩАНИЕ

Повесть

Читайте произведения Михаила Кожаяева
на сайте m-kozhaev.ru

Почта: erarot@rambler.ru

Телефон: +7(920)275-44-69

Соцсети: vk.com/m_kozhaev

facebook.com/erarot

twitter.com/m_kozhaev

Авторское редактирование

Тираж 50 экз.

Отпечатано в Издательстве ТулГУ

30012, г. Тула, пр. Ленина, 93А

+7(4872)35-36-20